

ИСТОРИЯ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Учебное пособие
для высших учебных заведений

Москва
Издательство «Наталис»
2011

УДК 930.85(520)(075.8)»06/18"
ББК 71.4(5Япо)я73-1
И90

Издание осуществлено при поддержке Японского фонда

Ответственный редактор *А. Н. Мещеряков*

И90 История японской культуры : учеб. пособие для вузов /
[отв. ред. А. Н. Мещеряков]. — М. : Наталис, 2011. — 368 с. :
ил. — ISBN 978-5-8062-0339-8.

И. Мещеряков, Александр Николаевич, ред.
Агентство СІР РГБ

Настоящее издание представляет собой учебное пособие по истории японской культуры и предназначается для студентов высших учебных заведений. До настоящего времени учебник такого рода в России отсутствовал. В книге рассматриваются такие важнейшие культурные аспекты, как политическая культура, язык, словесность, изобразительное искусство, музыка, телесная и пищевая культура.

УДК 930.85(520)(075.8)»06/18"
ББК 71.4(5Япо)я73-1

ISBN 978-5-8062-0339-8

© Мещеряков А. Н., 2011
© Издательство «Наталис», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Н. Мещеряков.</i> Предисловие	5
<i>С. А. Родин.</i> Политическая культура	10
Глава 1. «Государя век...»	11
«Япония» до VIII в. Формирование политических ориентиров и институтов власти	11
«Государство, основанное на законах». Политическое устройство в периоды Нара и Хэйан	22
Социальное устройство и политическая мысль VII—XII вв.	38
Глава 2. Сёгуны и сёгунаты	47
«Конец прекрасной эпохи». Становление военного правительства в Японии	47
Политическое устройство сёгунатов	49
Социальное устройство и политическая мысль в период сёгунатов	60
<i>В. М. Алпатов.</i> Языковая культура	
Древнейший период	66
Период интенсивного китайского влияния	70
XI—XVI века	74
Эпоха Токугава. Формирование японской лингвистической традиции	82
<i>М. В. Торопыгина.</i> Словесность	
Японская рукопись	99
Ранняя словесность (эпоха Нара)	102

Мифологическо-летописные своды «Кодзики» и «Нихон сёки»	106
Ранняя поэзия на китайском языке	108
Антология «Манъёсю»	111
Словесность эпохи Хэйан	115
Поэзия жанра танка, поэтология	120
«Императорские» антологии: от «Кокин вакасю» к «Синкокин вакасю»	122
Ута-моногатари (единение поэзии и прозы)	125
Жанр цукури-моногатари и роман Мурасаки Сикибу «Гэндзи моногатари»	126
Литература женского потока: дневники и «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон	131
Сэцува	133
Словесность эпохи Камакура	135
Гунки — от эпоса к роману	138
Словесность эпохи Муромати	141
Пьесы театра Но	145
Отоги-дзоси — проза малых и средних форм	148
Словесность эпохи Токугава	149
Книгопечатание	154
Неоконфуцианство и поэзия на китайском языке	158
Исторические и филологические проекты	161
Воспитательная и образовательная литература	162
Прозаическая литература XVII века	165
Хайку	169
Драматургия. Тикамацу Мондзаэмон	173
Литература гэсаку	175
<i>О. И. Макарова. Искусство</i>	184
Доисторическое искусство	186
Искусство исторического периода	194
Скульптура	195
Буддийские храмы	204
Синтоистские святилища	213

Садово-парковое искусство	216
Живописное искусство	218
Искусство амидаизма	225
Искусство дзэн-буддизма	228
Изобразительное искусство эпохи Эдо	235
Н. Ф. Клобукова (Голубинская). Музыкальная культура	
Основные жанры и периоды развития	245
Зарождение музыкальной культуры	246
Церемониальная музыка оркестра гагаку	247
Религиозная музыка	253
Музыка для лютни <i>бива</i>	260
<i>Ногаку</i> — музыка театра Но	264
Музыка для бамбуковой флейты <i>сякухати</i>	267
Музыка для цитры <i>кото</i>	271
Музыка для лютни <i>сямисэн</i>	276
Заключение	282
А. Н. Мещеряков. Телесная культура	
Церемониальность	284
Культурные функции одежды	293
Обнаженное тело	301
Медицинские представления о теле	308
Е. К. Симонова-Гудзенко. Пищевая культура	
Пищевые ресурсы в древности	322
Соль и консервирование	325
Варка	327
Влияние материковой пищевой культуры	328
Сервировка	329
Придворная кухня	330
Пищевая культура при сёгунатах	332
Алкоголь	335
Кайсэки	336
Влияние европейской кухни	339

Общественное питание	343
Локальные пищевые традиции в эпоху Токугава	344
Повседневная пища крестьян	346
Кулинарные книги	347
Заключение	348
<i>А. Н. Мещеряков. Послесловие</i>	351

Учебное пособие для высших учебных заведений

История японской культуры

Ответственный редактор *А. Н. Мещеряков*

Издатель *И. А. Мадий*

Главный редактор *А. Р. Вяткин*

Художник *Г. С. Джаладян*

Компьютерная верстка *Н. И. Павловой*

Корректор *Т. Г. Шаманова*

Подписано в печать 21.04.11. Формат 60×84 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон»
Печ. л. 23. Тираж 1000 экз. Заказ № 1885.

Издательство «Наталис»
119035, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
Телефон: (495) 637-34-38
e-mail: natalis_press@mail.ru, www.natalis.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
<http://www.gipp.kirov.ru> e-mail: pto@gipp.kirov.ru

Глава I

«ГОСУДАРЯ ВЕК...»

«Япония» до VIII в. Формирование политических ориентиров и институтов власти

Происхождение государства часто связывают с необходимостью проведения масштабных работ по обеспечению жизнедеятельности общества (например, ирригационных работ), разделением труда и контролем над его качеством. На территории Японии, где на широтном срезе представлены несколько типов природного ландшафта, а удаленность от моря любой точки на архипелаге не превышает ста с небольшим километров, особую значимость приобретали обменные процессы. Специфические черты ландшафта сформировали условия, при которых три культурно-хозяйственных уклада — морской (рыболовство), равнинный (земледелие) и горный (земледелие, охота и собирательство) — находились в непосредственной близости, что облегчало обменные процессы между обитателями данных регионов и способствовало процессу разделения труда.

Становление и формирование властных отношений неотделимо от развития социально-имущественной дифференциации. На раннем этапе, когда основным субъектом социума является кровнородственная община, «власть» и «престиж» принадлежат главе общины. О социальном расслоении внутри общины свидетельствуют данные археологии: уже в период Дзёмон жилые постройки и захоронения различаются по размеру и местоположению. В период Яёй встречаются личные погребения с богатым погребальным инвентарем, вынесенные за пределы общего кладбища, что указывает на окончательную утрату общиной социальной гомогенности. Анализ погребений конца этого периода также позволяет выделить четыре крупных культурных центра: север Кюсю, район Кинки на Хонсю, северо-восток Хонсю и Идзумо (совр. префектура Симанэ). Район Идзумо находился в тесной связи с материком, а его население в значительной степени состояло из переселенцев. В это время возрастает количество людей, умерших насильственной смертью, что указывает на повышение социальной конфликтно-

сти и межплеменную борьбу. В период Яёй происходит также усвоение культуры рисосеяния и развитие земледелия, требующего повышения кооперации населения. В исторической перспективе особый акцент делается на заливном рисосеянии (в силу его большей урожайности).

Непосредственное начало формирования государственности и протогосударственных образований относят к периоду Кофун, когда начинают появляться «царские» курганы огромных размеров. Постройка таких сооружений требовала значительного прибавочного продукта и усиленного контроля над населением. Усложнение организации труда также явилось необходимым следствием проведения ирригационных работ, требовавших взаимодействия населения уже не на уровне отдельных поселений, а более крупных территориальных единиц.

Существовали курганы квадратной, круглой формы, а также квадратно-круглые курганы (последние считаются специфически «японскими»). Все наиболее масштабные курганы имели квадратно-круглую композицию, что указывает на ее социальный престиж. Квадратно-круглые курганы появляются на равнине Нара в начале IV в. и постепенно распространяются по территории архипелага. Считается, что их распространение отражает расширение границ доминирования племенного союза Ямато, впоследствии ставшего базой, на которой сформировалось государство Япония. Места наибольшего скопления курганов вне района Кинай, где располагалось Ямато, в хрониках VIII в. описываются как районы политического владычества Ямато. Идзумо, длительное время противостоявшее Ямато, сохраняет собственную традицию квадратных курганов вплоть до VI в., затем утрачивает самостоятельность, и местная традиция возведения курганов угасает. В символической форме этот процесс выражен в мифо-историческом своде «Кодзики» (712 г.) через победу Ямато-такэру («силач Ямато») над Идзумо-такэру, «силачом Идзумо». Причем, как видно из текста, в этой борьбе Ямато-такэру не брезговал применением всевозможных уловок (в том числе подменой оружия и переодеванием в женское платье), что расходится с современными представлениями о «честной» борьбе, и уж тем более, с ходовыми представлениями о самурайской культуре, в обыденном сознании ретранслируемыми на всю военную традицию архипелага.

Центр культуры Ямато локализуется на равнине Нара. Шесть курганов III—IV вв. расположены у подножия горы Мива, в IV в. скопление масштабных погребений наблюдается в Саки (северо-запад совр. Нара). В V в. сакральный центр перемещается на север Идзуми и юг Кавати, где появляются самые масштабные курганы, однако перенос места захоронения не означал изменения места постройки дворцов — они продолжали сооружаться в долине реки Нара. В квадратно-круглых курганах хоронили и правителей, и родовую знать. В VII в. появляются также курганы восьмиугольной формы, предназначавшиеся исключительно для правителей. К ним относят погребения государей Дзёмэй (629—641), Тэнти (668—671), совместное захоронение Тэмму (672—686) и Дзито (690—697), Момму (697—707).

Помимо археологических данных, сведения о «Японии» того периода можно почерпнуть из китайских хроник. Впервые «японцы» («люди ва») и государство Яматай упоминаются в династической летописи царства Вэй «Вэй чжи» (составлена, предположительно, в 297 г.). В тексте упоминается правительница Химико (Пимико), пришедшая к власти после длительного периода междоусобиц и наделённая функциями медиума. Указывается, что в 238 г. Химико принесла дань царству Вэй, однако других подтверждений этому не существует. Правительницу Химико пытаются соотнести с фигурирующей в «Кодзики» и «Нихон сёки» (мифо-исторический свод, 720 г.) Дзингу (супругой государя Тюай, не прошедшей церемонии интронизации), но это соотнесение не выдерживает серьёзной критики. С одной стороны, Яматай выглядит на страницах китайской хроники довольно развитым формированием, достойным внимания Вэй. Так, летопись фиксирует существование рынков и налоговой системы, однако на самом деле тогдашнее общество еще не было развито в достаточной степени для их появления. С другой стороны, люди ва подпадают под классическое описание «варваров» в китайской историографической традиции (нанесение татуировок, еда руками, отсутствие обуви). На основании данных «Вэй чжи» невозможна и географическая локализация Яматай. Без особого успеха его в разное время искали то на севере Кюсю, то на равнине Нара. Видимо, предпочтительнее говорить о равнине Нара как о центре формирования японской государственности — ведь распространение квадратно-круглых курганов происходит из Кинай на Кюсю, а

не наоборот. Однако и север Кюсю сохраняет огромное значение в качестве основного центра непосредственных контактов с материком.

Данные эпиграфики курганного периода — немногочисленные надписи на бронзовых мечах и зеркалах — проливают свет на традиции и структуру управления в Ямато. В надписи на мече из Инарияма (471 или 531 гг.) упомянут правитель Вакатакэру, в котором исследователи видят правителя Юряку (456—479). Вакатакэру назван окими («великий ван»). Данным титулом именовались управители земель, подчинённые китайскому императору. Однако выводы о характере отношений между Китаем и Ямато из этих данных сделать затруднительно — надпись изобилует кореизмами. Главным «героем» текста предстаёт некий Вовакэ-но Оми, чья семья многие поколения служила главой меченосцев. Сам же Вовакэ «помогал управлять Поднебесной (тэнка)» Вакатакэру, когда тот находился во дворце Сики. Примечательно применение китайского термина «Поднебесная» по отношению к Ямато, что указывает на ориентированность протояпонской культуры на усвоение материковой культуры. Поименное указание нескольких поколений родственников Вовакэ говорит о развитом культе предков, важности прецедента и традиции, направленной не на нововведение, но на воспроизведение. Также видно, что властные полномочия передавались от отца к сыну, а исполнение конкретных обязанностей (в данном случае — военных) возлагалось на определенный род. Меч, скорее всего, служил в качестве инвестиции, жаловавшейся правителем своим высокопоставленным подчинённым и обозначавшим особые привилегии. Таким образом, мы можем говорить и о значимости ритуала в сфере управления.

Кровнородственные образования, подобные меченосцам Вовакэ, служили основной организационной единицей управления Ямато почти вплоть до переименования государства в Японию, Нихон (Ниппон) в начале VIII в. (посольство, одной из целей которого было сообщить Китаю о переименовании страны, было направлено туда в 701 г.). Эти образования назывались удзи. Главам удзи присваивались наследственные титулы знатности кабанэ, ретранслировавшиеся ими на весь род и маркировавшие его положение в политическом пространстве Ямато и указывавшие на близость к роду государя. Система титулов, возможно, получает распространение с правле-

ния государя Юряку (456—479). Так, в тексте меча из Инарияма Вовакэ имеет кабанэ оми, а титул предков не указывается. Стройная система, упорядочивающая кабанэ и выстраивающая их иерархию, появляется лишь в 684 г. по указу государя Тэмму, ограничившего их восемью титулами (якуса-но кабанэ). До этого периода наиболее важными были кабанэ ооми («великий оми») и оомурадзи («великий мурадзи»). Эти титулы имели много общего с должностями и подлежали утверждению при восхождении на престол очередного государя. Анализ данных «Нихон сёки» показывает, что титулами ооми и оомурадзи жаловались представители очень немногих родов (в особенности Оотомо и Мононобэ), выполнявшие военные функции при дворе. С середины V в. обе «должности» на сто лет становятся монопольным владением рода Сога (возможно, корейского происхождения).

Существовали также социальные группы бэ, образованные исходя из рода занятий, часто требовавших особых умений. Первые бэ — томо-но бэ — появляются к V в. В число обязанностей томо-но бэ входят охрана и снабжение дворца. Подобные группы создаются и на периферии, их главам присваивается наследственный титул томо-но мяцуюко. Бэ часто занимались квалифицированным трудом и достигали высокого положения. Ярчайший пример здесь — род Мононобэ. Создавались и специальные группы бэ — насиро и косиро — для обслуживания супруги государя и наследника. Часто в группы бэ объединяли выходцев с материка, обладавших особыми навыками (например, гончарное дело).

Еще одним значимым моментом, содержащимся в тексте меча из Инарияма, является указание местоположения дворца правителя Ямато. У этого государственного образования не было постоянной столицы. Каждый новый правитель сооружал себе собственный дворец (до введения в конце VII в. девизов правления нэнго государей именовали по дворцу, из которого они правили). Данная процедура могла быть обусловлена несколькими причинами: смена места являлась частью церемонии интронизации, символизировавшей обновление Поднебесной; смерть предыдущего государя «оскверняла» дворец, делала его ритуально нечистым (концепция ритуальной нечистоты — кэгарэ — одна из ключевых в синтоизме).

Находки надписей на мечах указывают на значительные масштабы государственного образования, простиравшегося от равнины

Канто на северо-востоке до Кюсю на юго-западе. Конечно же, влияние Ямато в разных регионах не было равновеликим, и власти Ямато встречали временами довольно сильное сопротивление. Иллюстрация тому — «мятеж Иваи» 527 г., когда правитель северной части Кюсю предотвратил отправку войск Ямато на материк.

Внешнеполитические амбиции Ямато того времени отражены как в японских, так и китайских хрониках. В китайской хронике «Сун-шу» содержатся данные о союзе Ямато с одним древнекорейским государством (Пэкче) против другого — Когурё. Сообщается также об отправке дани в Китай (Южная Сун). Также есть сведения о функционировании института заложничества, при котором члены правящей верхушки Пэкче, в том числе престолонаследники, отправлялись в Ямато в качестве заложников (эти данные подтверждаются и корейскими источниками, в частности летописью «Самгук саги»). Хроника также повествует о просьбе правителя Ямато (скорее всего, Юряку), обращенной к сунскому императору Шунь-ди (477—479 гг.), назначить его правителем Пэкче, в чем ему было отказано. Однако «Нихон сёки» и «Кодзики» расценивают Пэкче как данника Ямато, называют Пэкче «заморским владением» Ямато, а довольно мощное государство Силла, сумевшее впоследствии составить военную конкуренцию самому Китаю, именуется в «Кодзики» «конюшной» Ямато. Так или иначе, имеющиеся данные свидетельствуют о значительной роли Ямато в положении дел на материке и об определенных амбициях в отношении расширения сферы влияния на корейские государства.

Период с 592 г. (начало правления Суйко) по 710 г. (переезд двора в столицу Нара) принято именовать Асука — по названию реки, в долине которой строились государевы дворцы. В это время государственное образование становится более похожим на материковые образцы (Китай, Корея). Среди погребального инвентаря данного периода обнаруживается меньше оружия, что может быть показателем постепенного перехода к «мирным» методам управления и ведения политической борьбы.

Распространение централизованной власти находит выражение в учреждении *миякэ* — земель с зависимыми крестьянами, подконтрольными Ямато. Управляли ими *куни-но мияцукэ* — в тот период они не назначались из центра, но представляли собой местную знать, чьи полномочия подтверждались двором. Двор Ямато

выступал арбитром в спорных вопросах, когда имелось несколько претендентов на эту должность.

Внешнеполитические амбиции не оставляли правителей Ямато, однако все большее внимание уделяется политике внутренней, преодолению разобщенности, достижению управленческой гомогенности. Местные культы синтоизма не были унифицированы и закрепляли различия между родственными и территориальными объединениями. Большими склеивающими потенциями обладал буддизм, получивший распространение в VI в. благодаря поддержке двора Ямато. Это было выгодно и выходцам с материка, которые не могли бы претендовать на высокие места в социальной иерархии при господстве синтоизма, ставившем во главу угла древность рода и «божественность» его происхождения. Однако полного «огосударствления» буддизма не происходит, правители предпочитают сочетать его с местными традициями, да и сам Будда был во многом воспринят как разновидность синтоистского божества (ками). Согласно «Нихон сёки», против поклонения Будде выступают Накатоми и Мононобэ, возводившие родословную к синтоистским божествам. Род Сога (чьим предком считался военачальник Такэути-но Сукунэ), принявшийся почитать Будду, в структуру официального синтоизма не вписывался. Эти знатные роды оказывали прямое влияние на порядок наследования престола. В 587 г. произошло вооруженное столкновение между Сога, желавшими видеть на троне принца Оэ, и Мононобэ, выступавшими за кандидатуру Анахобэ. Победил род Сога. До середины VII в. он контролировал государев род — Сога служили «поставщиками» жен для государей, а дети от этих союзов возводились на трон. Главной функцией самого государя при этом было отправление ритуалов и продолжение рода.

Подобная система будет функционировать на протяжении всего периода, именуемого «традиционной Японией». Фактическое управление в ней осуществляет род, поставляющий невест (Сога, затем Фудзивара), государь же отвечает за ритуально-символическое управление и поддержку универсума и в должной степени удален от принятия политических решений. При этом попыток занять положение государя членами других родов не наблюдается. Единственным исключением станет монах Докё в VIII в.

Род Сога, доминировавший в политической жизни Ямато до середины VII в., устранял любые угрозы своему положению. Так, негодный Сога-но Умако (ум. 626) правитель Сусюн (587—592) был убит и вопреки всем традициям похоронен уже на следующий день после смерти, а на престол взошла ставленница Умако — Суйко (592—628), первая государыня на престоле (полулегендарная правительница Дзингу не прошла ритуала интронизации). Вместе с ее племянником, наследным принцем Сётоку (574—622), Умако осуществил многочисленные реформы, направленные на преодоление кровно-родственных «рудиментов» политической системы и создания государства по китайской модели. В 603 г. была введена первая система чиновничьих рангов, маркировавших положение чиновника (а не рода в целом) в государственной структуре. Она включала 12 степеней и была призвана заменить систему удзи-кабанэ, однако титулы знатности так и не были отменены.

За VII в. система рангов менялась четырежды: в 603, 647, 649 и 664 гг. Первоначально ранги жаловались далеко не всем чиновникам, а главным образом тем, кто имел непосредственное отношение к внешнеполитической деятельности государства. Окончательный вид ранговая система приобретает только после введения в действие законодательного свода «Тайхо ричурё» в начале VIII в.

Государство оказывает значительную поддержку буддизму и монахам, являвшимся носителями одной из основных ценностей сформировавшегося государства — письменного слова. Принцу Сётоку приписывается также составление в 604 г. «Уложения в 17 пунктах», носившего рекомендательный характер и формализующего отношения внутри социальной верхушки (государь и чиновники) и между «верхами» и «низами» («народом»). Несмотря на то что подлинность документа подвергается сомнению (например, встречаются цитаты из китайских произведений, написанных после 604 г.), не подлежит сомнению влияние конфуцианства и буддизма, пронизывающих буквально каждое положение документа, на политическую идеологию того времени. Подтверждением тому может служить, в частности, политическая номенклатура. Высшие ранги в шкале 603 г. именовались «большая и малая добродетель»

(дайтоку и сётоку). Току (кит. дэ) — важнейший компонент политической философии конфуцианства. Обладание благой силой дэ являлось основным обоснованием легитимности правления той или иной династии в Китае, а ее утрата — поводом к смене династии. Остальные десять рангов получили названия в соответствии с пятью конфуцианскими добродетелями (гуманность, церемониальность, вера, справедливость, мудрость) и также имели «большую» и «малую» степени.

В 645 г. гегемонии Сога был положен конец — их влиянию противились как представители государева рода и придворной знати, так и ответвления самого рода Сога. Итогом борьбы стало объединение сил рода влиятельного рода Накатоми и принца Нака-но Оэ (впоследствии государь Тэнти (668—671)), который убил Сога-но Ирука, внука Сога-но Умако, на глазах у государыни Когёку (642—645; повторно взошла на трон под именем Саймэй). Род Накатоми сменил Сога у власти.

Несмотря на огромное количество табу, связанных с фигурой государя, — кровь, например, считалась ритуально нечистой, и кровопролитие порождало ритуальное загрязнение, осквернявшее государя (возможно, это было одной из причин, по которой государь в Японии не обладал военными функциями); государю нельзя было видеть и три священные регалии — зеркало, яшму (яшмовое ожерелье) и меч, символически подтверждавшие властные полномочия правителя и постулировавшие идею божественного происхождения его власти, — на принцев табу распространялись в гораздо меньшей степени.

Согласно «Нихон сёки», в 645 г. от имени государя Котоку был введен первый в истории Ямато девиз правления нэнго — «Тайка» («Великие перемены»). Присвоение девизов правлению государей — китайская традиция и китайская же прерогатива; во всех странах, которые Китай считал своими данниками, обязаны были действовать девизы правления, имевшие в тот момент хождение в Китае. Ямато же выбрало собственный. Данные эпиграфики (деревянные таблички — моккан) не подтверждают введения девизов правления вплоть до начала VIII в., но стремление уже в середине VII в. преобразовать систему управления на китайский лад не вызывает сомне-

ний. Быстрому темпу реформ способствовали несколько факторов, в числе которых выделяются следующие: осознание неконкурентоспособности Ямато на международной арене — поражение войска Ямато в 663 г. в Корею (битва в устье реки Пэккан) от объединенных сил Силла и Китая, опасение вторжения со стороны материковых государств (тех же Китая и Силла), признание эффективности китайской системы управления.

Реформы предполагали введение структуры столичного и провинциального чиновничества, выработку административно-территориального деления, закрепление различий между слоями населения. Вся земля, согласно «Манифесту Тайка» 646 г., отныне принадлежала государству. Институт миякэ (жалованных земель) упразднялся. Земли делились на провинции (куни), которыми управляли чиновники из центра (кокуси). «Манифест Тайка» также упоминает об уездах и деревнях.

Вводится система наделного землепользования для чиновников и крестьян, проводится составление подворных реестров (646, 652, 670 и 689 гг.), что приводит к сглаживанию территориальных различий, унификации системы мер и весов. Объединяющую функцию имело и развитие инфраструктуры — создание системы почтовых станций, строительство дорог. Разрабатывается система налогов и повинностей, получившая название соётё (рисовый налог, трудовая повинность, налог местным продуктом — солью, рыбой, тканью). Эта система функционировала с переменным успехом до X в. Земли знати отныне жалует только государь — за особые заслуги, чиновникам были также положены ранговые земли, освобождавшие от налогов.

В 645 г. совершается движение в сторону создания единого центрального аппарата управления. Так, вводятся должности трех министров: левого (садайдзин), правого (удайдзин) и внутреннего (найдайдзин), а в 671 г. вводится должность главного министра (дайдзэ дайдзин). Собственно же министерства создаются позже. Для осуществления реформ государство приступило к созданию местной администрации и преуспело в этом — прежде всего в пристоличном районе Кинай. Однако на местах, начиная с «уездов», органы управления находились в руках местной знати. Институт куни-но мияцукэ формально утрачивает свое название и наследственные полномочия, но на деле управление на периферии оста-

ется в руках местной знати, чьи полномочия подтверждались двором. Вырабатываются и критерии отбора на должность: поначалу преобладают тенденции меритократического отбора — личные качества и способности провозглашаются важнее знатности, однако уже в указах 682 и 690 гг. отмечается обратная тенденция — рекомендовать кандидата на должность следует при наличии у его рода должных заслуг.

Эпоха реформ ознаменована социальной напряженностью и мятежами. Самый известный — дзинсин-но ран, «смута года дзинсин» (672 г.). После смерти государя Тэнти престол занимает его сын, государь Кобун, однако его свергает принц Оама, младший брат Тэнти, правивший как государь Тэмму. До правления Конин (770—781) престол будут занимать исключительно потомки Тэмму. С его именем связаны значительные социально-политические преобразования. Он вводит новые титулы кабанэ, высшие из которых были пожалованы главам родов, его поддержавших, что открывало им доступ в «среднее звено» государственного аппарата. Высшие же должности уже к началу VIII в. вновь монополизировали представители «старых» родов. До Тэмму государи именовались «оокими», теперь же начинает последовательно применяться бинном тэнно. Первое упоминание термина тэнно в мокканах датировано 677 г. В Китае этим термином (кит. тяньхуан) обозначали небесного императора или Полярную звезду, располагавшуюся на севере небосвода. Согласно идеям конфуцианства, осуществлять управление следует, уподобившись Полярной звезде, замершей на одном месте, чтобы остальные звёзды вращались вокруг нее. Тяньхуан — небесный император, верховное божество даосского пантеона, пребывает в небесном дворце, откуда он управляет даосскими мудрецами чжэньжэнь (яп. махито). В новой системе титулов знатности якуса-но кабанэ, введенной Тэмму в 684 г., наибольшим престижем как раз обладал титул махито (остальные титулы, в порядке убывания престижности: асоми, сукунэ, имики, митино си, оми, мурадзи).

Тэмму продолжил управленческие преобразования своего предшественника. В 675 г. создаётся Военное министерство, а в 689 г. вводится воинская повинность, под которую подпадал каждый четвертый мужчина в крестьянской семье. Стремление к созданию государства по модели танского Китая стимулировало и регламентацию придворной одежды и причёсок. При Тэмму также ведётся

усиленная работа по разработке идеологических основ государства — издается указ о составлении государственных хроник и «Законов Киёмихара» (текст не сохранился).

Особое внимание, уделяемое Тэмму разработке идеологической составляющей власти, может быть обусловлено недостаточной легитимностью самого правителя. Хотя формально не было выработано правил передачи трона, восшествие на престол брата, а не сына государя Тэнти в исторической перспективе воспринималось негативно. Так, в 781 г. при решении вопроса о престолонаследии были приложены все усилия, чтобы не допустить на трон потомка Тэмму, принца Осабэ, уже объявленного наследным принцем. Вместо него на трон был посажен принц Сиракабэ, потомок Тэнти, хотя его мать даже не принадлежала к верховной японской аристократии, а происходила из рода Такано, потомков королевской семьи Пэкче.

Китайской модели также придерживались при постройке Фудзивара, города, которому предназначалось стать первой долговременной столицей Японии. Как и в Китае, при выборе места постройки в ход шли доводы геомантии, да и внутренняя структура столицы соответствует китайским представлениям о разметке пространства. Создание столицы — необходимость политическая. Для управления страной требуется концентрация властных структур и информации для быстрого принятия решений и лучшего контроля за их выполнением. Постройка столицы «сбирала» аристократию, ответственную за принятие решений, в одном месте. Все эти меры явились базой для создания «государства, основанного на законах» — рицурё кокка.

«Государство, основанное на законах».

Политическое устройство в периоды Нара и Хэйан

Термин рицурё кокка, «государство, основанное на законах», применяется обычно для обозначения периода с конца VII по конец X в., что не совпадает с формальными хронологическими рамками периодов Нара и Хэйан. В иероглифическом бинеме рицурё

«рицу» имеет значение «уголовный кодекс», «рё» — «гражданско-административный кодекс». Хотя первый японский свод законов, названный «Тайхо рицурё», появился в 701—702 гг., применение данного термина к более раннему периоду отражает общую ориентацию политических мер на реформирование государства в соответствии с китайскими образцами: создание мощного центра во главе с «императором», строго иерархичным обществом и разветвленным бюрократическим аппаратом. К концу X в. институты власти, закрепленные сводом, в значительной степени теряют свою эффективность, их функции переходят к новым ведомствам и службам. Придворная аристократия выказывает открытое пренебрежение и полное отсутствие интереса к положению дел в провинции, ограничивая сферу деятельности (часто и сферу передвижения) столицей Хэйан, в лучшем случае — центральным районом Кинай, что приводит к потере государством должной степени централизации и соподчинённости периферии центру. Этот период (кон. X—XII вв.), качественно отличающийся от Нара и раннего Хэйан, в историографии часто называют периодом Отё кокка («придворное государство»).

Кодекс «Тайхо рицурё», в соответствии с которым выстраивалась деятельность японского государства, в большинстве положений опирался на китайское законодательство эпохи Тан, однако существовали и свои особенности. Японское законодательство делало упор на «гражданский» кодекс, в Китае картина обратная. В Японии чиновники из менее знатных родов имели меньшие возможности для вертикальной мобильности, и основные привилегии закреплялись за «старой» аристократией. Так, система экзаменов на занятие должностей, идея которых была заимствована из Китая, на практике получила лишь ограниченное развитие. Значительными были и привилегии, предоставляемые системой теневых рангов (онъи), которыми жаловали детей аристократии. По достижении ими 21 года теневые ранги конвертировались в обычные.

С введением «Тайхо рицурё» окончательный вид приобретает система чиновничьих рангов (канъи), формально существовавшая на протяжении всей истории традиционной Японии. Вводится система из девяти основных рангов, подразделенных на 30 ранговых степеней. Все ранги с первого по девятый делились на младшие и стар-

шие, ранги с четвертого по девятый («начальный» ранг) в свою очередь делились еще на ступени: верхнюю и нижнюю. Каждой ранговой категории, согласно законодательству, соответствовала определенная должность. Так, чиновник младшего начального ранга нижней ступени мог претендовать на должность писца при чиновнике третьего ранга, а для чиновников старшего первого ранга должность вообще не была предусмотрена, хотя его обладателю полагались все причитающиеся привилегии — внушительных размеров земельные наделы и жалование. Данная система распространялась уже на всех государственных чиновников, и даже члены государева рода имели свою особую шкалу из четырех рангов, что, с одной стороны, вписывало их в общую управленческую структуру государства, с другой — подчеркивало особое положение правящего рода.

Согласно законодательным сводам «Тайхо рицурё» и его поздней редакции «Ёро рицурё» (составлен в 718 г., введен в действие в 757 г.), во главе государства стоял император, который обладал верховными правами в области административного управления, назначения и продвижения чиновников, ведения внешних сношений и управления войском. В реальности он этими правами практически никогда не пользовался. Непосредственно императору подчинялись три высших государственных учреждения — Палата большого государственного совета (Дадзёкан), Палата небесных и земных божеств (Дзингикан) и Ведомство инспекций цензоров (Дандзётэй), основной функцией которых было проведение в жизнь указов тэнно.

Главным административным органом был Дадзёкан. Он ограничивал формальные полномочия правящего рода. Его возглавлял главный министр (дадзё дайджин), считавшийся наставником тэнно в делах управления, ему полагалось, согласно кодексу, «...обеспечивать в стране следование путем морали и приводить в гармонию темные и светлые силы инь и ян». Часто эта должность оставалась вакантной, тогда все полномочия распределялись между левым и правым министрами (садайдзин и удайдзин). Левый министр стоял выше правого министра в придворной иерархии. В их подчинении находился штат советников (нагон).

Внутри Дадзёкан существовал Высший политический совет (Гисэйкан), куда входили только представители старых аристократических родов района Кинай. На совещаниях Гисэйкан обсуждались все важные государственные вопросы, затем о них доклады-

вали тэнно, после чего решения начинали проводиться в жизнь. Именно Гисэйкан осуществлял выработку политического курса и контроль над всеми государственными учреждениями.

Состав Гисэйкан менялся в соответствии с расстановкой политических сил. Существовало несколько наиболее влиятельных родов, которые покровительствовали менее могущественным, создавали политические группировки и коалиции. К числу таких наиболее влиятельных родов можно отнести всего пять: Фудзивара, представители которого в VIII в. 29 раз входили в состав Гисэйкан (преимущественно во второй половине VIII в.), Тадзихи, Ки, Оотомо и Абэ.

Помимо заседаний Гисэйкан, многие политические решения, в особенности это справедливо для эпохи Хэйан, принимались во время найэн, пиров во дворце или в усадьбах аристократов. Так, на пиру во второй день первой луны 886 г. был решен вопрос о разграничении обязанностей сэссё и кампаку (регент и канцлер; об этих должностях речь пойдет позднее), обсуждались кандидатуры на важнейшие государственные посты. В общей сложности за время этого пира обсуждались 27 вопросов государственной значимости, и большинство из них — по причине окончательной разрешенности — вступили в силу без обсуждения на заседании Гисэйкан.

Особое положение среди высших государственных учреждений занимало Дзингикан. Согласно сводам, оно имело равный с Дадзёкан статус, но его формальным главой мог быть чиновник младшего четвертого ранга, тогда как Дадзёкан возглавляли чиновники, обладавшими рангами с первого по третий. Фактически же его возглавлял сам тэнно, являвшийся первосвященником синтоизма. Основными функциями Дзингикан являлись: проведение храмовых (синтоистских) служб, религиозных празднеств и церемоний общегосударственного масштаба.

Основной функцией Дандзётэй был контроль за осуществлением законодательных норм в столице и на местах. Ведомство проводило проверки провинциальных и уездных управ, расследовало нарушения закона. Его глава имел формальное право прямого доклада тэнно, минуя Дадзёкан.

В ведении Дадзёкан находились восемь министерств (сё).

Тюбусё — Министерство центра — занималось составлением хроник и подворных реестров, поправкой указов и документации.

Сикибусё — Министерство кадров (распространенный, но неверный перевод — Министерство церемоний) — назначало инспекторов в провинции, отвечало за проведение аттестаций чиновников, ведало ранговым продвижением чиновников, вело списки должностных лиц.

Дзибусё — Министерство управления — занималось вопросом пожалования наследственных титулов кабанэ и составлением родословных, разбирало различные тяжбы, имеющие отношение к вопросам наследования и брака, отвечало за прием иностранных послов, проведение похорон.

Мимбусё — Министерство народных дел — занималось вопросами, связанными с несением трудовой повинности и сбором налогов, а также развитием инфраструктуры.

Хёбусё — Военное министерство — ведало аттестацией и продвижением по службе столичного и провинциального старшего военного чиновничества, крепостями, заставами, укреплениями, сторожевыми и сигнальными постами, а также военной амуницией и конюшнями, занималось обучением воинов, формированием военных отрядов.

Гёбусё — Министерство наказаний — ведало расследованием уголовных дел и наказаниями, пересмотром приговоров, арестом и тюремным заключением.

Оокурасё — Министерство казны — наблюдало за приходом и расходом материальных ценностей, следило за мерами веса, длины и объема, устанавливало продажные и закупочные цены на различные товары.

Кунайсё — Министерство двора — ведало различными службами, связанными с внутренней жизнью императорского дворца.

Министерствам подчинялись следующие структуры: управления (сики), отделы (рё) и бюро (си; отделы и бюро также могли именоваться цукаса). Относительной статусной самостоятельностью обладали управы по охране дворца (фу).

Все чиновники в соответствии с занимаемой должностью были причислены к одному из четырех разрядов: тёкан (ками), дзикан (сукэ), ханкан (дзё) и сютэн (сакан). Разряд тёкан («стар-

ший чин») включал в себя всех чиновников, которые занимали высшие посты в соответствующих учреждениях. К разряду дзи-кан («следующие чины») относились заместители руководителей соответствующих департаментов. К разряду ханкан причислялись все остальные помощники глав ведомств. Что касается сю-тэн, то к этому разряду были отнесены мелкие ведомственные чиновники (например, писцы).

Должности, выходящие за пределы определенного законодательными сводами штатного расписания, получили название рё-гайкан. Введение таких должностей началось сразу же после обнародования кодекса «Тайхорё» в 702 г. Тогда была учреждена должность политического советника двора (санги). В 703 г. появились должность «сведущего в делах Палаты большого государственного совета» тидадзё-кандзи (упразднена в 745 г.). В 705 г. учредили должность среднего советника Палаты большого государственного совета (тонагон). Все рёгайкан можно подразделить на постоянные и временные. К первой группе можно отнести должности санги, тонагон, ансэтиси (инспектора провинций, часто наделённого военными функциями). Ко второй группе следует, в частности, отнести должности ответственных за строительство крупных буддийских храмов, строительство столицы в Нара и другие должности, вводившиеся для осуществления определенных единовременных замыслов.

Помимо номенклатуры должностей и государственных учреждений кодекс регулирует размер жалований чиновников в соответствии с величиной ранга и значимостью занимаемой должности, устанавливает систему наследования привилегий от отца к старшему сыну или внуку, регулирует размер земельных наделов. Особое внимание уделяется буддизму — в танском законодательстве ничего подобного Сонирё, «Закону о буддийских монахах», не существовало, хотя и имелись отдельные законы, в своды не входившие. В Китае буддизм никогда не играл столь значительной роли в политической жизни, которая была уготована ему на Японском архипелаге.

Дзингирё, «Закон о небесных и земных божествах», содержит перечень основных синтоистских ритуалов годового цикла и устанавливает порядок проведения синтоистских богослужений по особым случаям — синтоизму придавалось первостепенное значе-

ние в связи с его функцией ритуальной опоры государева рода. Естественно, что в китайском законодательстве такого учреждения не предусмотрено.

Законодательно закреплялось и административно-территориальное деление: провинции делились по размерам и степени удаленности от политического центра. Управитель провинции (кокуси) обладал обширным списком полномочий, в том числе сбором налогов. Провинции делились на уезды, управители которых должны были назначаться из центра, чего в реальности не происходило. На низовом уровне основной структурной (и налогооблагаемой) единицей признавался крестьянский двор (ко), 50 дворов

1. Дэва	31. Сима	52. Суо
2. Муцу	32. Танго	53. Иё
3. Садо	33. Тамба	54. Сануки
4. Этиго	34. Ямасиро	55. Ава
5. Ивасиро	35. Ямато	56. Тоса
6. Иваки	36. Кии	57. Тикудзэн
7. Ното	37. Тадзима	58. Будзэн
8. Эттю	38. Харима	59. Хидзэн
9. Синано	39. Сэшу	60. Тикуго
10. Кодзукэ	40. Кавати, Идзуми	61. Бунго
11. Симоцукэ	41. Авадзи	62. Хиго
12. Хитати	42. Инаба	63. Хюга
13. Этюдзэн	43. Мимасака	64. Сацума
14. Хида	44. Бидзэн	65. Осуми
15. Кан	45. Хоки	66. Цусима
16. Мусаси	46. Биттю	67. Ихи
17. Симоса	47. Идзумо	
18. Кадзуса	48. Бинго	
19. Ава	49. Ивами	
20. Сагами	50. Аки	
21. Мино	51. Нагато	
22. Овари		
23. Микава		
24. Тотоми		
25. Суруга		
26. Идзу		
27. Вакаса		
28. Оми		
29. Ига		
30. Исэ		

Карта Японии периодов Нара и Хэйан

объединялись в село (сато), возглавляемого деревенским старостой, осуществлявшим «поощрение земледелия и шелководства» и функции контроля. Для улучшения фискальной функции сёла были разделены на пятидворки, функционировавшие по системе круговой поруки.

В отдельных документах фигурирует термин до, «округ» (досл. «дорога»; границы между округами проходили по основным государственным дорогам), объединявший несколько провинций. Всего насчитывалось 7 округов. Особый статус закреплялся за Главным управлением по делам округа Сайкайдо (север Кюсю), Дадзайфу, в связи со значимостью региона в международных отношениях.

Помимо законодательных сводов существовали также дополнения к ним (кяку и сики), с помощью которых осуществлялось текущее правотворчество в соответствии с историческими реалиями. Кяку были обязательными для исполнения всеми государственными ведомствами, сики имели адресатом конкретные учреждения.

В эпоху Хэйан сохраняется большинство должностей и ведомств, функционировавших в Нара. Старые ведомства упраздняются редко — историю переписывать не любили, и, несмотря на кризис «государства, основанного на законах» и утрату актуальности институтов и положений, предусмотренных законодательными сводами, отменять их никто не собирался. В то же самое время создаются новые учреждения, обладающие на практике огромным влиянием. В 810 г., в правление Сага (809—823), был учрежден личный государев секретариат (Куродо-докоро), со временем перенявший основные полномочия Дадзёкан. Назначения в Куродо-докоро контролировались членами дома Фудзивара, что служило дополнительным источником их власти в связи с приближенностью секретарей к персоне государя. Вторым влиятельным ведомством, учрежденным Сага в 816 г., стало управление Кэбииситё, «полиция», взявшая на себя функции Дандзёдай, Министерства наказаний и столичного охранного бюро. Со временем оно берет на себя контроль над судопроизводством и охраной порядка. В его функции также входили борьба с пиратами и разбойниками, выявление преступлений и предоставление докладов в Дадзёкан. В 874 г. отделения Кэбииситё имелись во всех центральных провинциях, затем они стали появляться и на периферии. Считается, что учрежде-

ние Кэбииситё было направлено на «реанимирование» системы судопроизводства на местном уровне — предполагалось, что это ведомство будет обладать независимостью от местных властей. Однако к началу XII в. двор окончательно теряет контроль над отделениями Кэбииситё, ставшими самостоятельной политической силой провинциального масштаба.

Еще одной мерой центра по борьбе с местным сепаратизмом, и тоже безуспешной, стало введение департамента Кагэюси. Его чиновники направлялись в провинции для надзора за местными делами и контроля над процессом смены управителей. Департамент создан в 796 г., однако функционировать начинает после 824 г. Кэбииситё и Кагэюси должны были осуществлять совместный контроль на местах, что, однако, привело не к усилению позиций центральной власти, а к личному обогащению чиновников и превращению их в мощную политическую силу к концу периода Хэйан.

В провинциях создаются местные, по факту не контролируемые центром управления — Тадокоро (земельная управа) и Кондэйдокоро («полицейская» управа), между которыми разделяются обязанности по осуществлению управления провинциями. Назначения в эти ведомства проводились местной знатью. Функции управителей провинций при этом становятся все более номинальными.

Знатные роды, буддийские монастыри учреждали Мандокоро («Ведомство управления») для управления личными владениями. Обычно Мандокоро состоял из штата секретарей куроодо и кумондзё (служба, ответственная за ведение документации). Считается, что образцом для создания Мандокоро послужило ведомство Курододокоро государя Сага. Политическое устройство верховной власти Японии имело свойство воспроизводиться на всех уровнях.

Учреждение новых должностей в период Хэйан было обусловлено как факторами изменения форм политической борьбы, так и нюансами законодательных нововведений, отражавшихся на жизни государства. Так, в 743 г. был издан закон, провозглашавший переход освоенной целинной земли в личное владение рода (кондэн эйнэн сидзай хо). Он имел целью расширить площадь обрабатываемой земли и увеличить налоговые поступления, однако на деле послужил личному обогащению отдельных родов и монастырей и явился провозвестником феномена личных поместий сёэн,

получившего повсеместного распространение в эпоху Хэйан. Первые владения сёэн обладали простой структурой и минимальным аппаратом управления, однако с ослаблением централизации и самогерметизацией двора в пределах Хэйан их структура и размеры усложнялись, стали появляться Мандокоро отдельных поместий и их объединений, а управляющие, отвечавшие за делопроизводство, приобретали реальную власть.

Структура «зрелого» сёэн достаточно сложна. Несколько поместий объединяются под патронажем «главного хозяйства» хондзё (часто им выступает крупный буддийский храм) или хонкэ (крупный провинциальный или столичный род), обеспечивающего (с помощью оказания военной и экономической поддержки) властные полномочия рёсю, «администратора» группы поместий на территории нескольких провинций, который в свою очередь контролирует деятельность гэси (или адзукаридокоро), ведомства сёэн на территории отдельной провинции. В XII в. земли крупных поместий дробятся на более мелкие единицы (мё) — участки, которым присваивается собственное название; для управления ими назначается администратор (мёсю), ответственный за сбор налогов с этих полей.

Владельцы предпочитали жить в столице, они редко посещали свои поместья, что позволяло управляющим присваивать значительную часть доходов. Рост населения вкупе с увеличением урожайности позволял наместникам и знатым провинциальным родам присваивать значительное количество прибавочного продукта, при этом величина налога, выплачиваемого центру, оставалась на невысоком уровне, а налоговые сборы далеко не всегда доходили до столицы. Крупным буддийским монастырям также принадлежало большое количество поместий, обеспеченных налоговыми льготами. При таком положении баланс влияния между центром и периферией сдвигался в сторону последней.

Государство пыталось бороться с лавинообразным распространением сёэн, однако попытки не увенчались успехом — в 1069 г. государь Госандзё (1068—1072) создает Кироку сёэн кэнкэйдзё (Ведомство инспекции сёэн), призванное установить правомочность владения тем или иным поместьем. Ведомство, функционировавшее всего 4 года, было упразднено после смерти Госандзё в 1073 г. Оно возобновило свою работу лишь в 1156 г. при государе Госиракава (1155—1158).

Внутриполитическая борьба в Хэйан сосредоточена вокруг проблемы престолонаследия. Хотя император по-прежнему лишен функций реальной политической власти, доминирование Северной ветви рода Фудзивара очевидно не на всем протяжении периода. Про Фудзивара следует рассказать несколько подробнее. Родоначальником Фудзивара был Накатоми-но Каматари (614—669), поддержавший государя Тэнти в борьбе за власть против рода Сога. В 669 г. Каматари пожалована фамилия Фудзивара. Род опирался на китайскую образованность и проявлял осторожное отношение к буддизму, ставя во главу угла конфуцианство. Младший сын Каматари, Фухито (659—720), преуспел как политик, приняв участие в составлении кодексов «Тайхорё» и «Ёрорё», он занимал должности правого и главного министров. Указом 698 г. фамилия Фудзивара закреплялась только за детьми Фухито, потомкам его брата Омимаро была возвращена фамилия Накатоми. Для контроля над государевым родом Фухито применял систему, успешно апробированную еще Сога, — выдал замуж своих дочерей за государей. Блестяще сложились карьеры четырех сыновей Фухито, которые положили начало четырем «домам Фудзивара», определявшим динамику придворной политической жизни в Нара и Хэйан, во многом за счет внутриродовой борьбы. Серьезная угроза власти Фудзивара в эпоху Нара возникала не один раз. Со смертью Фухито, на политической арене проявляет наибольшую активность принц Нагая (684—729), в 724 г. занявший пост левого министра — фактически главную должность в чиновничьей иерархии (пост главного министра оставался вакантным). В 729 г. умирает сын государя Сёму от союза с дочерью Фухито, и появляются опасения за «правильную» передачу престола. Против Нагая, который мог претендовать на престол, был устроен заговор, государь Сёму повелевает окружить усадьбу принца, и тот кончает жизнь самоубийством. Второй кризис власти Фудзивара связан с возвышением Татибана-но Морозэ, также представителя одного из ответвлений государева рода. В 737 г. эпидемия оспы уносит жизни всех четырех сыновей Фухито, и политический вакуум позволяет оттеснить Фудзивара. При Морозэ лишь один представитель этого рода сумел получить четвертый ранг, остальные же довольствовались рангами не выше пятого. Обвинения в отношении принца Нагая были признаны клеветой, а сын

Фудзивара-но Умакаи, отправленного для казни Нагая, Хироцугу, был фактически сослан на Кюсю в 738 г. В 740 г. он поднимает мятеж, однако остальные представители Фудзивара его не поддержали, а Фудзивара-но Накамаро из «Южного дома» был назначен подавить восстание. В одиннадцатой луне 740 г. мятежник был казнен. Позиции «Южного дома» укрепляются за счет создания влиятельного политического института Сиби тюдай («Министр, ведающий местопребыванием Небесного Императора»), образованного вместо Управления дворцом государыни Комё.

В VIII в. на троне было несколько правителей-женщин. Государыни рассматриваются историками как промежуточный вариант, к которому прибегали при невозможности в краткие сроки решить вопрос о престолонаследии.

Накамаро последовательно устраняет политических соперников, а Сиби тюдай затмевает мощь Дадзёкан. Апогей политической власти самого Накамаро приходится на правление государя Дзюннин: он получает право чеканить собственную монету и пользоваться собственной печатью в качестве государственной. Также проводится политика по интеграции корейских переселенцев в японскую общественную структуру через присвоение рангов кабанэ, изменяется в соответствии с китайскими наименованиями номенклатура должностей (например, старший государственный советник дайнагон теперь именовался гёсидайфу). Наряду с поощрением конфуцианства проводится борьба с самостоятельностью буддийских институтов — крупнейший столичный храм Тодайдзи лишается части своих земель, для монахов вводится ранговая шкала из четырех рангов и тринадцати ступеней. Устранение Накамаро связано как раз с именем буддийского монаха. Им стал выходец из провинциального рода Югэ, известный под монашеским именем Докё. Он излечил отрекшуюся государыню Кокэн, вновь заявившую свои права на трон. Какое-то время в Японии существовало два центра власти: во дворце находился государь Дзюннин, Кокэн пребывала в храме Хокэдзи. Противостояние вылилось в вооруженный конфликт, Накамаро был казнен, Дзюннин отправлен в ссылку, где вскоре скончался при непонятных обстоятельствах, а Кокэн повторно вошла на трон

под именем государыни Сётоку. Докё же получил привилегии, превосходившие те, что имел Накамаро при Дзюннин: для него учреждались специальные должности (например, «владыка Закона Будды», хоо), его статус и материальное положение были сродни государевому, однако формально государем ему так и не суждено было стать, хотя монах предпринял попытку занять престол в 769 г., сославшись на веление божества Хатиман. После смерти Сётоку ее фаворит был отправлен в ссылку, трон унаследовал государь Конин, потомок Тэнти, а главные политические должности снова оказались в руках Фудзивара. Теперь доминировал «Северный дом», и подобное положение сохраняется вплоть до установления первого сёгуната в XII в.

Новый этап в развитии отношений между государевым родом и домом Фудзивара наступил в период деятельности Фудзиварано Ёсифуса (804—872). Он продолжает успешную брачную политику, выдав свою сестру за государя Ниммё и сделав своего племянника государем Монтоку (850—858), а внука — государем Сэйва (858—876). Ёсифуса нейтрализовал оппозиционные силы в лице отрекшихся государей Сага (809—823) и Дзюнна (823—833), а также представителей родов Татибана и Томо в ходе «смуты годов Дзёва» в 842 г. Главная отличительная особенность его политики заключалась в принятии им должности регента (сэссё) при малолетнем государе Сэйва в 866 г. Должность существовала и раньше — регентом был, например, еще в VII столетии принц Сётоку. Регенты нередко назначались при государынях и малолетних принцах, однако это всегда были представители государева рода. В 887 г. была учреждена должность кампаку — канцлера при взрослом государе. Аналог должности кампаку имелся в Китае, а его главной обязанностью провозглашалось помогать государю в делах управления. Первым кампаку стал Фудзиварано Мотоцунэ (836—891), приемный сын Ёсифуса, «присматривавший» за государем Коко (884—887) и успевший к тому времени побывать в должности сэссё (назначен в 876 г.) при государе Ёдзэй. Впоследствии должности сэссё и кампаку станут монопольным владением потомков Ёсифуса вплоть до Реставрации Мэйдзи в 1868 г. Кратковременным исключением было регентство Тоётоми Хидэёси (стал кампаку в 1585 г.) и его племянника (затем усыновленного) Хидэцугу в конце XVI в.

Введение должностей сэссё и кампаку позволило историкам именовать политическую ситуацию во второй половине периода Хэйан как сэккан сэйдзи — «правление регентов и канцлеров». Однако следует иметь в виду, что становление системы происходило постепенно. Так, в 887 г. на трон восходит государь Уда (887—897), чья мать не принадлежала к роду Фудзивара. Мотоцунэ ожидал назначения на должность кампаку, однако Уда в своем указе жалует ему титул ако (кит. «регент»), не обеспеченный реальными полномочиями. Под давлением со стороны Фудзивара император Уда все же назначает Мотоцунэ канцлером, однако после его смерти в 891 г. отказывается от новых назначений на эту должность. Он оказывает поддержку противникам Фудзивара, при нем своего расцвета достигает род Сугавара и его наиболее известный представитель — Сугавара-но Митидзанэ (845—903). Регенты же не назначаются вплоть до 930 г., стабилизация системы происходит лишь в 967 г. К этому же периоду относится возвышение рода Минамото, речь о котором пойдет позже.

Апогей могущества дома Фудзивара приходится на период деятельности Фудзивара-но Митинага (966—1028) и его сына Ёримити (992—1074). Митинага формально не состоял в должности кампаку, он был правым министром и заместителем канцлера (найран), хотя его дневник и называется «Мидо кампаку ки» — «Записки канцлера Мидо» (где мидо — «великая келья» — указание на принятие монашества). Его власть часто характеризуется как неограниченная. Два государя были его племянниками, трое — внуками. В 1017 г. Митинага передает должность сэссю при государе Гоитидзё (1016—1036) своему сыну Ёримити, сам же принимает постриг, осуществляя фактическое управление страной до самой смерти, не имея официальных должностей. Ёримити удалось успешно контролировать наследование престола вплоть до 1068 г. Однако ни одна из его дочерей не смогла произвести на свет престолонаследника. И тогда трон занимает Госандзё, не связанный кровными узами с Фудзивара, Ёримити же передает пост канцлера младшему брату, а сам удаляется в свою усадьбу в Удзи, перестроенную им в 1052 г. в буддийский храм Бёдоин, и становится монахом.

Как и в эпоху Нара, в Хэйан император — номинальный правитель страны, он не имеет реальных политических полномочий,

которыми обладает круг приближенных к нему лиц. Политические функции осуществляли государственные институты, находившиеся под руководством знатных домов, главным образом Фудзивара. Однако и члены государева рода зачастую стремятся к проведению самостоятельной политики. Если сам тэнно в силу ритуальных ограничений и складывающейся политической конъюнктуры был ограничен в этой сфере, то отрекшимся императорам достичь реальной политической власти было проще. Интересным представляется использование института монашества как членами государева рода, так и Фудзивара для реализации собственных политических амбиций. В эпоху Нара потомки Накатоми с осторожностью относились к буддизму, отдавая предпочтение конфуцианству, однако в эпоху Хэйан, возможно в связи с утратой интереса к более полноформатному включению Японии в систему международных отношений, в чем конфуцианство, служившее идеологической базой для дальневосточного чиновничества, сыграло немалую роль, — маятник интересов качнулся в сторону буддизма.

Период с 1087 по 1192 г. получил у японских историков название инсэй — «правление из кельи». При инсэй очередной государь отрекался от трона в пользу своего малолетнего сына, сам же принимал монашество и, приобретая функции, которых он был лишен на троне, осуществлял фактическое управление государством, руководя действиями тэнно. В этот же период происходит укрепление института наследных принцев, служившего в качестве одного из механизмов безконфликтной передачи трона. Наследники назначались на раннем этапе правления очередного тэнно, однако властных полномочий были лишены. Раннее провозглашение правопреемника затрудняло возможности манипуляции государева рода брачной политикой. В 1087 г. государь Сиракава (1073—1087) отрекся в пользу своего восьмилетнего сына, ставшего государем Хорикава (1087—1107), от имени которого осуществлял политическую деятельность в течение длительного времени. При Сиракава институт инсэй обрастает собственными ведомствами (ин-но тё), содержащими немалый штат чиновников, включавший писцов, военных, телохранителей, поваров, конюхов, мастеровых. Часто возникала ситуация, при которой появлялось одновременно несколько отрекшихся государей, но лишь один из них, которому

присваивался титул хонъин (досл. «главная келья»), обладал реальной властью. За весь период инсэй титул хонъин имели трое: Сиракава, его внук Тоба (1107—1123), его сын Госиракава (1155—1158). Остальные отрекшиеся правители часто создавали ситуации, угрожавшие трону или положению хонъин.

Собрание монахов и мирян по случаю паломничества отрекшегося государя Сиракава в Касуга в 1093 г.

Самым ярким примером здесь является «смута годов Хогэн», разразившаяся в 1156 г., когда отрекшийся государь Сутоку (1123—1142) попытался отнять трон у Госиракава. В военных столкновениях участвовали силы домов Тайра и Минамото, а сами события способствовали возвышению рода Тайра и формированию обстановки, благоприятной для возникновения военного правительства бакуфу.

Социальное устройство и политическая мысль VII—XII вв.

Социальная дифференциация в Японии получила законодательное оформление в кодексах «Тайхорё» и «Ёрорё». Положения правовых сводов VIII в. закрепляли статусные, правовые и политические различия для разных слоев населения, они были одинаково действенными как для периода Нара, так и для Хэйан. Их выработка явилась фиксацией длительной традиции отношений между социальными группами, основанной как на религиозно-этических представлениях (в основном синтоизм и конфуцианство), так и на конкретно-исторических реалиях. Все 5 с лишним миллионов человек, населявшие Японию в Нара, а затем и 7 миллионов «японцев» к концу Хэйан, принадлежали к одной из двух категорий: рёмин, «добрый люд», или сэммин, «подлый люд». «Добрым людом» называли чиновников, свободных членов крестьянских общин бякутё, зависимых от двора ремесленников синабэ и дзакко. «Подлым людом» именовали охранников могил, преступников и зависимое население различных категорий, включая частных и государственных рабов.

Группа чиновников, работавших на государство, имела тенденцию к увеличению. Согласно подсчетам, их число в Нара составляло более 6 тысяч (6398 человек, без учета тех, кто занимал должности, не предусмотренные законодательством, и многочисленной группы провинциальных чиновников). В Хэйан можно уже говорить о 10-тысячном аппарате. Каждый чиновник в идеале обладал рангом и должностью, однако должностей на всех не хватало, хотя распространенной при этом была практика совместительства. Часто должность можно было купить, как и придворный ранг. Борьба с этим явлением начинают уже в Нара. В Хэйан повсюду слышны жалобы представителей знатных родов, традиционно монополизировавших важнейшие должности и занимавших высокие ранги, по поводу приобретения положения чиновника людьми «низкого» происхождения. Можно было получить ранг за деньги или рис, либо оказав услуги государю или верховному чиновнику. Продаже, однако, подлежали в основном провинциальные и низшие столичные должности, а цена на них была огромной.

Престиж столичной аристократии многократно превосходил положение чиновников провинциальных. Провинциальные чиновники (гэкан) имели собственную шкалу из 20 «внешних» рангов. Возможность вертикальной мобильности гэкан была ограниченной, однако им была дана привилегия отправлять в столицу своих дочерей в качестве дворцовых прислужниц (унэмэ), что в перспективе давало шанс сродниться со столичной аристократией и тем самым повысить собственное положение в социальной иерархии.

Внутри столичной аристократии также выстраивалась иерархия: чиновники с первого по третий ранг именовались кидзоку, «благородные». Занять эту позицию могли только представители верхушки японской аристократии. Четвертый ранг давал право претендовать на одну из высших государственных должностей и входить в состав Гисэйкан. Чиновники пятого ранга могли занимать придворные должности, но на высшие посты не претендовали. Служители шестого-восьмого рангов составляли низшее звено бюрократии, а девятый «начальный» ранг вообще не гарантировал обладателю чиновничьей карьеры. Присвоение высших рангов обычно проводилось в первой луне, назначение на провинциальные должности — весной, на столичные — осенью. Распространенной была практика назначения выходца из столичной аристократии управителем той или иной провинции (кокуси), и чем дальше от Нара, а затем от Хэйан находилось место службы, тем менее престижным оно было. В Хэйан стало обычным явлением отправлять вместо себя доверенное лицо для исполнения подобных обязанностей. Часто такие назначения были аналогом ссылки для провинившихся, опальных или опасных чиновников, что, однако, могло приводить к результатам, обратным ожидаемым. В период Хэйан центр утрачивает контроль над провинцией, что приводит к усилению позиций отдельных управителей и способствует возникновению очагов политической борьбы.

Негативное отношение к провинциальной службе вызвано многими причинами и наблюдается уже в начале VIII в. Согласно китайским представлениям, усвоенным японской государственно-стью, император является источником «священной культурности» (сэйка) и распространяет ее на подчиненных. «Культурность» эта, однако, ослабевает по мере удаления от его персоны. Следова-

тельно, наибольшим престижем обладают его приближенные, а дальние провинции вообще воспринимаются варварскими, в малой степени затронутыми «культурностью». Жизнеописания и эпитафии, правда, не опускают факта службы чиновников в дальних провинциях, но интерпретируют это в выгодном для них свете: чиновник выступает как проводник сэйка, просвещающий варваров. Идея меритократического устройства государства, присущая конфуцианству, также отчетливо видна. В эпитафии чиновника VIII в. Ина-но Омуре, в 705 г. отправленного служить управителем в «дальнюю», согласно классификации «Тайхорё», провинцию Этиго, назначение описывается как большая привилегия, ведь Ина «лучше других подходил для того, чтобы смягчить нравы варваров эмиси». Далее сказано, что в бытность его управителем «культурность распространялась повсюду», то есть чиновник фактически выступает проводником сэйка, ниспосланной ему государем. В Хэйан подобные представления о дальних провинциях только усиливаются. Чиновникам, возвращавшимся оттуда, необходимо было пройти церемонию очищения от скверны-кэгарэ, прежде чем ступить в столицу. Пространственная приближенность к государю являлась большой привилегией. Так, в столицах Нара и Хэйан наиболее знатные роды удостоивались чести строить усадьбы рядом с государевым дворцом, при этом более предпочтительной считалась восточная часть столицы. Напомним, что государь восседал на троне, обратившись ликом к югу, и восток, таким образом, оказывался по его левую руку. Исследователи предполагают, что особый престиж восточной половины столицы обусловлен ее символической близостью к сердцу государя.

Статусные различия существовали также между гражданскими и военными чиновниками. Опираясь на культурные установки конфуцианства и идею о ритуальной нечистоте смерти и крови, выстраивалась система, при которой престиж военных должностей в Нара и Хэйан (исключая конец XII в.) был гораздо меньшим, нежели должностей гражданских. Традиционная Япония не может похвастаться громкими военными победами на материке — после поражения 663 г. государство на долгое время теряет интерес к проведению завоевательной внешней политики; войска Ямато, а затем и Японии не смогли (не захотели?) справиться с «варварами» эмиси

в дальних провинциях Муцу и Дэва (последняя успешная кампания датируется 801 г.). Характер жизненного уклада и ценностных установок придворной аристократии способствовал поощрению и развитию «мирных» искусств: стихосложения, составления ароматов, разработки эстетических категорий, что позволяет говорить об «изысканности» столичной культуры.

Стихосложение было неременной обязанностью чиновников как в Китае, так и в Японии. Стихотворные произведения, наполненные скрытыми цитатами и символами, могут показаться современному читателю материей сугубо эстетического свойства, однако в такой форме могла осуществляться и острая политическая полемика. С другой стороны, мир хэйанской аристократии видится полным обрядовых запретов, руководивших ее действиями.

«Герметичность» придворного мира была обусловлена традиционно сложившимся положением, при котором одни дома считались более знатными ввиду лучшей генеалогии, что дополнялось культурной установкой не на изменение, но на преемственность и воспроизведение, ритуализованность политической жизни. По этой причине принцип распределения должностей на основании личных качеств чиновника, подтверждаемых конкурсными экзаменами, распространения не получил. На официальном уровне разделение родов по принципу знатности происхождения подкреплялось мифом о божественном происхождении государева рода от богини солнца Аматэрасу и возведением генеалогий знатных родов к тем или иным божествам синтоистского пантеона. В 815 г. государю Сага был представлен свод «Синсэн сёдзироку» («Вновь составленные списки родов»), в котором были перечислены генеалогии 1182 родов (удзи), проживавших в Кинай (остальная Япония составителей не интересовала). Основной целью памятника было восстановить «истинное» происхождение влиятельных родов и отделить потомков переселенцев от японской аристократии. При Фудзивара-но Накамаро (706—764), во многом опиравшегося на выходцев из Кореи и Китая, проводилась политика интеграции «пришлых» родов во внутривластическую орбиту двора. Японскую родовую знать это не устраивало. Все удзи делились на три категории: кобэцу — потомки государей, синбэцу — потомки божеств (подразделялись на потомков небесных божеств, потомков детей и внуков небесных божеств, потомков земных божеств), сёбан (досл. «варвары») — по-

томки переселенцев с материка. Официальная идеология делала упор на знатность и препятствовала «варваризации» двора.

История помогала политике, облачаясь в форму государственных хроник, генеалогических сводов, указов и всевозможной документации, — престиж письменной культуры, равно как и истории, был огромен. Хотя традиционно сакральными потенциями обладает слово устное, ориентация на материковую культуру (не в последнюю очередь на идеи легизма, благодаря которым тандем «история-политика» в Китае окончательно окреп), с одной стороны, и опора на прошлое и прецедент как источник легитимации настоящего — с другой, увеличивают престиж письменной культуры. Показательна судьба хроник «Кодзики» и «Нихон сёки». При составлении первой, «отбракованной» культурой Нара и Хэйан, была задействована устно-письменная традиция: сказитель заучивает наизусть различные тексты и «надиктовывает» их. Хроника «Нихон сёки», публичные чтения которой входили в число придворных ритуалов, изначально создавалась как текст сугубо письменный. Сама же история государства воспринималась как история правящего и приближенных к нему родов, а государство в свою очередь персонифицировалось в фигуре тэнно. Термины «кокка» и «микадо» могли значить как «государь», так и «государство».

Задачи легитимации власти и создания образа культурного государства конфуцианского толка, сравнимого с Китаем, были возложены на государственные хроники. Традиция составления хроник была перенята у Китая, где каждая новая династия составляла описание правления династии предыдущей. Официальные хроники создавались исключительно по высочайшему распоряжению, назначался чиновник, ответственный за составление. Готовый текст предоставлялся императору. В Китае первые специальные историографические ведомства создаются в начале эпохи Тан (первая четверть VII в.), в Японии их роль играло Министерство центра (Тюмусё). Указы о составлении хроник относятся к правлению Тэмму, однако первая из будущих «шести государственных историй» (риккокуси) — «Нихон сёки» — появляется только в 720 г. Каждая следующая хроника начинается с того времени, на котором заканчивается предыдущая. Преемственность текстов выражена и в названиях: в 797 г.

составлено «Продолжение “Анналов Японии”» («Сёку нихонги»), в 840 г. — «Нихон коки» («Поздние анналы Японии»), продолженная хроникой «Сёку “Нихон коки”», представленной на высочайший суд государя Сэйва в 869 г. Затем были составлены летописи «Монтоку тэнно дзицуроку» («Истинные записи о государе Монтоку», 879 г.) и «Сандай дзицуроку» («Истинные записи о трех правлениях», 901 г.), после чего традиция угасает. Причинами этого считаются как стабилизация позиций правящей элиты, более не нуждавшейся в обосновании легитимности положения, так и потеря интереса к признанию Японии Китаем, тем более что в 894 г., незадолго до составления последней из риккокуси, официальная Япония отказывается от дальнейшей отправки посольств в империю Тан, охваченную беспорядками.

Государев род занимал особое положение в системе социальных отношений. Для принцев существовала собственная шкала рангов, сам же правитель был фактически выведен за пределы действия законов и социальной иерархии. Главный акцент в японской императорской идеологии делался на несменяемости и непрерывности правящего рода, поэтому одной из важнейших задач, ставившихся перед самим тэнно, было произведение на свет наследника, а род-поставщик невест обеспечивал безконфликтность передачи власти. «Хризантемовое табу» — термин, выработанный в XX в. и указывающий на запрет критики государя и его рода — может быть применён и к Японии традиционной. Исключение составляют описания хрониками государей, например, государя Бурэцу (499—506), не справившихся с задачей произведения потомства.

В Китае, служившем образцом построения государственности для многих стран дальневосточного ареала, смена правящей династии была делом обычным. Идеологическим обоснованием этому служила концепция благой силы дэ (яп. току), которой Небо — источник легитимности — наделяет совершенномудрого правителя, даруя ему «мандат Неба» (кит. тянь мин; яп. тэммэй). Сила эта не бесконечна и угасает от правителя к правителю одной династии. Об утрате дэ говорят небесные знамения и земные неурядицы вроде засухи, землетрясений и пожаров. Когда династия утрачивает дэ, ее должна сменить другая, дабы осуществить веление Неба и восстановить порядок и гармонию.

В Японии концепт «мандата Неба», представлявший собой нечто сродни идеологической часовой бомбы, заложенной у основания правящего дома, в подобных масштабах задействован не был, однако и отказ от его использования представляется процессом, а не единовременным решением. «Открытие» тэммэй приписывается государю Тэнти, что находит отражение в его посмертном имени Микото Хиракасу Вакэ («Муж, который впервые получил мандат Неба»), а указы об интронизации государей, начиная с Камму (770—781), настойчиво повторяют правопреемственность тэнно по отношению к Тэнти, игнорируя деятельность Тэмму, «мандатом Неба» не наделяемым. Благая сила дэ упоминается довольно часто и в основном приписывается государям. В Японии дэ правителей не угасало при передаче власти наследнику — наоборот, каждый новый тэнно представлялся обладателем полного запаса добродетели. В политической терминологии, несмотря на несменяемость правящего рода в Японии, правители выглядят менее зависимыми друг от друга, нежели в Китае, где существовали представления о «едином теле» династии. Это находило отражение в терминологии наследования власти: китайский термин «цзи ти» («унаследовать престол») буквально значит «продолжить тело», наследник императора именуется чжэн ти («прямая плоть») и ди ти («плоть властителя»). В Японии представления о государстве и роде как о едином теле вырабатываются значительно позже.

Еще одной причиной, по которой концепт «мандата Неба» не мог в полной мере укорениться в Японии, было то, что источником легитимности правящего рода выступало не само Небо, а богиня Аматаэрасу. Особое положение государя, осуществлявшего функцию медиатора и защитника посредством обращения к небесным богам и являвшего собой столп гармонии мироздания, никогда в истории Японии сомнению не подвергается. Хотя синтоистский компонент всегда будет оказывать решающее влияние на формирование образа тэнно, в зависимости от конкретных исторических обстоятельств он будет дополняться различными коннотациями. Так, в период Хэйан получает распространение представление о государе как о сэйдай, «мудром правителе» конфуцианского толка, широко известное еще с начала Нара. Сэйдай приближает к себе способных, покровительствует образованию и воздействует на чиновников с помощью «священной культурности» (сэйка) и

«добродетели» (токука). Правление государей Сага и Монтоку являет пример наиболее последовательного претворения в жизнь концепции «мудрого правителя». Следствием стали многочисленные придворные дискуссии о роли и функциях чиновничества, которому предписывалось являть собой образец для подражания народу. Трехчастная схема «государь — чиновники — народ» также имела китайские корни и представляла собой амальгаму официального конфуцианства и народного даосизма.

Народу в политической теории традиционной Японии отводилась чрезвычайно важная роль. В период Нара он провозглашается «основой» государства, а если основа прочна, то вся страна пребывает в спокойствии. Чрезмерно волновать «основу» не следовало. Частым обвинением чиновников друг против друга являлось увлечение строительством крупных сооружений, храмов и монастырей, что требовало огромных ресурсов, истощало казну и приводило к стихийным волнениям вследствие стремления её наполнить, возлагая на крестьянство дополнительное бремя. Основным занятием «народа» мыслились земледелие и шелководство, то есть обеспечение Поднебесной едой и одеждой. Таким образом, под «народом» имелись в виду крестьяне. Рыболовы интересовали государственную идеологию в меньшей степени, поэтому находились в более свободном положении.

Крестьяне были самой многочисленной группой населения (более 90 % общего числа, причем цифра остается таковой вплоть до середины XIX в.). Реформы Тайка жаловали им землю Поднебесной в обмен на обязанность обрабатывать ее и нести налоговое бремя и воинскую повинность. Также крестьяне привлекались для отработки трудовой повинности — строительства дорог, дамб, мостов, храмов и всего остального. Продолжительность трудовой повинности (буяку) составляла порядка 60 дней в году. В период Хэйан правительство часто выражает недовольство тем, как происходит сбор налогов и отработка повинностей. С местных властей требуется вести учет количества крестьян, задействованных на работах. На основании отчетов составляются списки, ограничивающие максимально дозволенное количество человек для привлечения к выполнению работ населения тем или иным провинциальным чиновником. Согласно хронике «Сандай дзицуруку», в 864 г. трудовая повинность была ограничена 20 днями в году, а исполь-

зывать труд крестьян позволялось для сравнительно небольшого числа работ: проведения ирригационных мероприятий, доставки сообщений в управы и починки правительственных зданий. К X в. старая налоговая система устаревает, уступая место рисовому налогу (нэнгу), также предполагавшему выполнение кунияку, общественных работ по мере необходимости (часто заменялись натуральной оплатой). Обычной была ситуация, при которой местные власти присваивали нэнгу себе, а сбором кунияку обеспечивали налоговые сборы, требуемые государством. Несмотря на провозглашение крестьянства «основой» государства, его социальный престиж был невелик, ниже находились только ремесленники и «подлый люд» (сэммин).

Ремесленники (синабэ и дзакко) составляли незначительную долю населения. Основанием для разделения их на две группы была сфера профессиональной деятельности. Синабэ в основном были заняты в сфере «мирных» ремесел, например, гончарного дела, а дзакко имели непосредственное отношение к производству военного снаряжения. Синабэ и дзакко входили в персонал государственных учреждений. Формально ремесленники относились к категории «добротного люда» (рёмин), но фактически были полусвободными и образовывали промежуточную категорию.

В соответствии с надельной системой, синабэ и дзакко получали землю — главный источник своего существования. Как государственные служащие они освобождались от налогов, податей и трудовой повинности, а в качестве государственной повинности должны были участвовать в работах (в основном это было производство ремесленных изделий), предписанных соответствующим хозяйственным управлением. Синабэ были официально упразднены в 759 г., а ремесленники, входившие в эту социальную группу, обрели статус податного населения и формально примыкали к крестьянам.

Социальная группа, прозванная «подлым людом» (сэммин), включала в себя рабов различных категорий. Браки между «подлым» и «добротным» людом запрещались законодательно. Более того, сэммин разрешалось заключать брак только внутри той категории, к которой они принадлежали. Поскольку категории сэммин, помимо отношений зависимости, базировались и на принципе выполнения ими определенных видов труда, вроде выделки кожи или сооружения усыпальниц, это привело к наследственному закреплению обязанностей и форми-

рованию наследственных же профессиональных групп. Их положение напоминает аристократическую среду, также имевшую тенденцию к родовой и профессиональной герметизации. В категорию сэммин переводили и представителей «добротого люда», совершивших различные преступления. Предусматривалась и теоретическая возможность обратного перехода, однако она распространялась на самого человека (а не на весь род), достигшего возраста 76 лет, что лишало его возможности закрепить достигнутый статус, вступив в брак и произведя потомка статуса рёмин.

Глава 2

СЁГУНЫ И СЁГУНАТЫ

«Конец прекрасной эпохи».

Становление военного правительства в Японии

Неспособность центра оказывать существенное влияние на периферию, кризис системы инсэй и многочисленные конфликты внутри правящего дома и рода Фудзивара привели к ситуации, при которой фактические управленческие полномочия уже во второй половине XII в. оказываются в руках сильных военных домов. События «смуты годов Хогэн» (1156 г.) поспособствовали этому процессу. Экс-государь Сутоку предпринимает попытку вновь завладеть престолом, опираясь на поддержку главы военного клана Минамото и представителей рода Фудзивара. Правящему государю Госиракава удается подавить восстание силами рода Тайра и его главы Киёмори (1118—1181), поддержку которому оказал Минамото-но Ёситомо (1123—1160), выступивший, таким образом, против собственного отца. Тайра и Минамото возводили генеалогию к государеву роду и обладали обширными земельными владениями и военными ресурсами в регионе Канто, слабо подотчетном центральному правительству.

В 1160 г. («смута годов Хэйдзи») попытку переворота предпринимает уже Минамото-но Ёситомо, недовольный чрезмерно высоким положением Тайра и недостаточной оценкой собственных

военных заслуг государем. Подавление мятежа знаменует упрочение позиций Киёмори — в 1160 г. он получил должность советника санги и стал первым представителем провинциального военного рода, получившим доступ в Дадзёкан, а в 1167 г. занял пост главного министра (дадзё дайджин). Киёмори применял хорошо отлаженные политические механизмы браков с родом тэнно (Антоку, внук Киёмори был провозглашен государем в 1180 г.) и назначения на ключевые должности членов рода собственного, однако его деятельность встречала сопротивление как самого правящего государя Госиракава, отличавшегося необычной для тэнно политической активностью, так и рода Минамото. Тайра даже замещают государев род и Фудзивара в проведении обрядов, например, молений при рождении государева потомка.

Устранить Тайра можно было только при наличии санкции правящего рода, монополюсь распоряжавшегося правом провозглашать тех или иных деятелей мятежниками и защитниками престола. Минамото удалось заручиться высочайшим повелением устранить Тайра, что и было сделано: 25 апреля 1185 г. в битве при Данноура войска под руководством Минамото-но Ёсицунэ нанесли сокрушительное поражение ослабевшему дому Тайра. Жизни лишился даже малолетний государь Антоку, внук Киёмори, а из трех регалий тэнно удалось, согласно «Хэйкэ моногатари» («Повести о доме Тайра»), спасти только две — меч был безвозвратно утерян. Утеря меча закладывала символическую основу перехода военных полномочий от тэнно (в реальности ими не обладавшего) к новому фактическому правителю Японии — сёгуну.

Вместе с утверждением власти военных правительств происходит возвышение статуса всего военного сословия и распространение его ценностей на всю подведомственную правительству территорию. Военных называли самураями или буси. Слово «самурай» восходит к глаголу «самурау» («служить»). Самураи Камакура происходили из среды провинциальных должностных лиц, ответственных за управление и охрану на уровне частных земельных владений (сёэн), уездов и провинций. Учрежденное государством «полицейское» ведомство Кэйбииситё также сыграло свою роль в формировании политических потенций этого сословия. Воинские формирования бусидан, как принято считать, поначалу представляют собой кровнородственные организации, управляемые по

принципу патернализма, однако уже в XI в. они образуют структуру, отношения внутри которой были основаны на подчинении «вассалов» (изноко, досл. «дети дома») господину. Эти отношения, которые можно охарактеризовать как квазипатерналистские, будут характерны для всей истории доминирования самурайского сословия в японском обществе.

Политическое устройство сёгунатов

Камакура

Формально об установлении власти сёгуната, военного правительства в Японии, можно говорить с 1192 г., когда Минамото-но Ёритомо (1147—1199) получает титул сэйи тайсёгун («великий полководец, усмиритель варваров»), однако институты власти, характерные для ставки бакуфу периода Камакура, в основном виде формируются уже к 1185 г.

С периода Нара титул сэйи тайсёгун присваивался некоторым военачальникам подразделений, отправляемых государством для борьбы с «варварами» эдзо (эмиси). Самым известным из них был полководец Саканоуэ-но Тамурамаро (758—811), преуспевший в военных кампаниях на северо-востоке Хонсю. Наследственным титул становится только в период Камакура. Этим титулом обладал и Минамото-но Ёсинака, двоюродный брат Ёритомо, однако лишь при последнем за сэйи тайсёгун закрепляются реальные полномочия.

В 1180 г. Ёритомо создает Самурайдокуро, управление, ведавшее делами его прямых вассалов (гокэнин). Со временем это управление станет заниматься инспекцией деятельности военных губернаторов (сюго), речь о которых пойдет далее. Самурайдокуро не утратит своего значения и в правление сёгунов дома Асикага.

В 1184 г. создаются «ведомство общественной документации» Кумондзё и судебное ведомство Монтодзё. Первое являлось высшим административным органом власти и формальным субъектом

высшей исполнительной власти в бакуфу. В 1191 г. Кумондзё переименовано в Мандокоро, однако уже в первой четверти XIII в. его полномочия были урезаны. В ведении Монюдзё находилось разбирательство разного рода судебных тяжб, преимущественно земельных споров.

После расправы над родом Тайра Ёритомо вводит войска в Хэйан и требует от двора ввести должности дзито и сюго.

В обязанности дзито входил контроль над сёэн, сбор и распределение налоговых поступлений. Сюго служили в качестве военных

Минамото Ёритомо.
Кикиути Ёсай, сер. XIX в.

губернаторов провинций, выполняли полицейские и инспекторские функции. Первых сюго Ёритомо назначал лично, из чего видно, какое большое значение придавалось этой должности. Введение дзито и сюго, дублировавших провинциальные должности, учрежденные государевым двором в период Хэйан, было призвано установить контроль рода Минамото над провинциями и обеспечить перераспределение налоговых сборов в пользу бакуфу и лишить тем самым государев двор экономической базы по осуществлению политического управления. Со временем должности становя-

тся наследственными. Вводится также должность военного губернатора столицы (кёто сюго).

Ёритомо не лишает род Фудзивара права занимать должности регента и канцлера при тэнно, однако самостоятельно контролирует назначения. Вскоре уже сами сёгуны будут иметь регентов.

Интересным представляется тот факт, что род Минамото, установивший первое правительство бакуфу, был ответвлением государева рода, не имевшим формального права на престол, однако задействовавшим механизм, который не требовал устранения правителя, — создание собственного штаба, превышающего силы придворного чиновничества и дублирующего многие его должности, бравшего на себя функции обеспечения «общественной справедливости» (коги).

Лишь три представителя рода Минамото смогли удержаться у власти — основатель сёгуната Ёритомо и два его сына, Ёриэ (1202—1203) и Санэтомо (1203—1219). Матерью Ёриэ была Ходзё-но Масако, представительница рода близких союзников Минамото. Именно Ходзё станут определять политическую динамику в Камакура. В 1203 г. учреждается должность сиккэн, регента сёгуна, ставшая наследственной для Ходзё. Положение сиккэн было по значимости сопоставимо с должностями сэссё и кампаку во времена расцвета политики регентства Фудзивара при дворе, однако возможности регентов военных правителей по назначению новых сёгунов были несоизмеримо выше. Легитимность положения военного правителя не опиралась на божественное происхождение и идею непрерывности династии, что позволяло назначить сёгуном наиболее удобную для регента персону. После Санэтомо род Минамото угасает, однако Ходзё, обладавшие всей полнотой исполнительной власти, не принимают титула сэи тайсёгун, предпочитая править в качестве сиккэн вплоть до 1333 г.

Политическая борьба продолжается уже внутри самого рода Ходзё. Компромиссным вариантом ее разрешения становится введение в 1225 г. должности рэнсё, советника регента. На важнейших распорядительных документах должны были стоять печати как сиккэн, так и рэнсё, что позволяет судить об относительной равноправности этих должностей.

Еще одним примером проведения политики компромиссов служит учреждение в том же году Хёдзёсю, «государственного совета», ставшего высшим органом исполнительной власти в Камакура. В его состав входили представители влиятельных военных кланов и аристократических родов. Решения совет принимал на основании голосования. Хикицукэсю, «верховный суд», учрежденный в 1249 г., был создан с целью правового обеспечения нужд Хёдзёсю.

В 1221 г. в связи с событиями, известными как «смута годов Дзёкю», когда экс-государь Готоба (1183—1198) при поддержке экс-государя Дзюнтоку (1210—1221) и столичной аристократии предпринял неудавшуюся попытку свержения сёгуната, были созданы новые ведомства. Войска под руководством Ходзё Ясутоки (1183—1242) вошли в Киото (досл. «столица»; данное обозначение применяли к Нара, затем к Хэйан в качестве указания на расположение государева двора; в конце XI в. название Хэйан изменено на Киото)

и усмирили восстание. Готоба и Дзюнтоку сослали, место трехлетнего государя Тюкё занял на троне девятилетний Гохорикава (1221—1232), должность военного губернатора столицы упраздняясь, вместо нее учреждалось ведомство Рокухара тандай, руководство которым поручалось двум представителям рода Ходзё. Создание Рокухара тандай, контролировавшего деятельность аристократии, не оставляло сомнений относительно того, кому в стране принадлежит фактическая верховная власть.

Восстание экс-государя Готоба, как и возникновение идеи о реальной возможности свержения сёгуната, стали возможны благодаря волнениям, прокатившимся среди рядов гокэнин (вассалов Минамото), в связи с кончиной в 1219 г. последнего из прямых потомков Ёритомо — Минамото-но Санэтомо. Также важную роль играла территориальная удаленность бакуфу, располагавшегося в Камакура, от Киото, что означало относительное ослабление контроля над придворной жизнью в начале периода.

Создание Рокухара тандай, как и большинства институций раннего периода функционирования бакуфу, было обосновано внутривнутриполитическими мотивами. В третьей четверти XIII столетия, однако, главную роль будут играть (пусть и непродолжительное время) внешнеполитические соображения. В 1274 и 1281 гг. Хубилай-хан (1215—1294; основатель монгольской династии Юань в Китае) предпринимает попытки вторжения в Японию, игнорировавшую призывы признать себя вассалом монголов. Оба вторжения провалились, однако бакуфу всерьез обеспокоилось проблемой создания системы государственной безопасности, способной справиться с внешней угрозой — задачей, столь долгое время не имевшей актуальности.

Угрозы вторжения Тан и Силла на территорию архипелага опасались еще во времена Тэнти, что в значительной мере стимулировало проведение быстрого реформирования государства Ямато. Однако в последующем, вплоть до времени попыток вторжения в Японию Хубилай-хана, единственной внешней угрозой нормальному функционированию государства в Нара и Хэйан

были локальные рейды корейских пиратов на острова Кюсю и Цусима в IX—X вв. Японские пираты (вако) создавали материковым государствам, равно как и самой Японии, куда больше проблем.

В промежутки между первым и вторым нашествиями была проведена колоссальная работа по созданию береговых укреплений на Кюсю и севере Хонсю. Основная масса расходов легла на плечи самураев и крестьян, что привело к масштабному недовольству политикой бакуфу, которому нечем было расплатиться с воинами за их службу. Если внутригосударственные раздоры сопровождались переделом собственности, которой победители отплачивали поддержавшим их, то отражение внешней угрозы таких следствий не предполагало. Для улучшения контроля над исполнением военных обязанностей на севере Хонсю и Кюсю создаются ведомства тайдай, главами которых назначаются представители рода Ходзэ. Повышенное значение в таких условиях приобретает неформальное ведомство ёриоя, проводившее внутреннюю разведку для Ходзэ.

Сёгунат Асикага

Данный раздел также придется начинать со слова «формально», однако если сёгунат Минамото «формально» был установлен в 1192 г., обладая всей широтой государственных полномочий уже до этого времени, с родом Асикага ситуация противоположная.

Род Асикага был ответвлением рода Минамото. Их земли располагались в провинции Симоцукэ на северо-востоке Хонсю. Род Асикага укрепляет свои позиции, породнившись с родом сиккэн Ходзэ с помощью множества браков, и к началу XIV в., наряду с еще одним ответвлением Минамото, родом Нитта, становится одной из крупнейших политических сил на архипелаге.

Асикага Такаудзи (1305—1358), посланный Ходзэ подавить восстание мятежного государя Годайго (1318—1339), принимает сторону тэнно, захватывает Курохара тайдай, представительство сёгуната при государевом дворе, и вместе с Нитта Ёсисада расправляется с домом Ходзэ в 1333 г. Затем между Такаудзи, тщетно добивавшимся от тэнно титула сэйи тайсёгун (Годайго пожа-

ловал ему несколько «генеральских» титулов, однако только титул сэйи тайсёгун обладал настоящим авторитетом), и коалицией Нитта и Годайго разворачивается борьба, результаты которой были беспрецедентными. В 1336 г. Такаудзи заставляет Годайго отречься от престола в пользу государя Комё (1336—1348), после чего Годайго и его сторонники укрываются в Ёсино, заявляя о своем легитимном праве на престол. Поскольку Ёсино находилось к югу от Киото, правительство, сформированное Годайго, получило название «Южный двор», а эпоха параллельного правления двух ветвей государева рода была названа Намбокутё — «эпохой Южной и Северной династий». В 1338 г. Такаудзи удостоивается чаемого титула сэйи тайсёгун, однако той полноты власти, которой обладал некогда Минамото-но Ёритомо, он не имеет. Наряду с местным сепаратизмом на уровне провинций существование «Южного двора» выступает серьезной проблемой и очагом конфликтов. Наибольшей стабильности в делах управления Асикага удалось достичь лишь после объединения государева рода в 1392 г. Государственным аппаратом, способным распространять вырабатываемые решения и контролировать их выполнение на подведомственной территории, сёгунат Асикага можно называть лишь с этого времени, однако реальная власть его была недолгой.

При третьем сёгуне Асикага Ёсимицу бакуфу удалось установить контроль над сьюго, к концу XIV в. уже распорядившимися провинциями как своими родовыми землями. Приспосабливаясь к изменившимся политическим реалиям, бакуфу Асикага, унаследовавшее основные институты власти Камакура (сохраняются и Самурайдокуро, и верховный суд Монтодзё, за которым оставлена только функция делопроизводства, — институты не упраздняются, однако их полномочия существенно ограничиваются), создает институт сьюго даймё — провинциальных феодалов, чье право относительно автономного владения провинцией подтверждается бакуфу в обмен на выплаты в пользу центрального правительства, выступающего «арбитром» между различными даймё. Канрэй, администратор, наделенный огромной широтой полномочий и призванный помогать в делах сёгуну, регулировал отношения между сёгунатом и сьюго даймё. Должность канрэй не была, в отличие от сиккэн, наследственной и поочередно занималась представителями трех

приближенных к Асикага домов — Сиба, Хосокава и Хатакэяма. Сюго даймё предписывалось находиться в Киото, близ ставки Асикага, а управление землями перепоручалось доверенным лицам (сюгодай), что, разумеется, приводило к усилению личной власти сюгодай и потере сюго даймё контроля над территорией.

Институт дзито также претерпевает изменения в Муромати (как еще называют период сёгуната Асикага, апеллируя к местоположению бакуфу). Предполагалось, что дзито будут выполнять полицейские обязанности и представлять интересы сёгуната. На деле выходило иначе: они объединялись под покровительством провинциальных самураев (кокудзин; досл. «человек из провинции») либо сами становились крупными землевладельцами и создавали реальную угрозу номинальным представителям центра.

К концу XV в. сюго даймё исчезают, им на смену приходят сэнгоку даймё — бывшие кокудзин, сюгодай или те же сюго даймё, сумевшие отстоять владения в междоусобице, разгоревшейся из-за передачи властных полномочий внутри дома Асикага между крупнейшими домами, к ним приближенными. Борьба, известная как «война годов Онин», продолжалась 10 лет и привела к окончательной утрате бакуфу контроля над центральными и восточными провинциями. Сёгунат упразднен не был, однако и полномочий государственного масштаба более не имел. Период государственной раздробленности с 1467 по 1568 г. по аналогии с периодом в истории Китая, который предшествовал созданию централизованного государства, называют Сэнгоку дзидай — «эпохой воюющих царств» (для Японии более уместен перевод «эпоха воюющих княжеств»), и основным субъектом власти теперь будут сэнгоку даймё.

Вполне правомерным выглядит перевод термина «сэнгоку даймё» словом «князь», подразумевая под ним властителя, управляющего автономным территориальным образованием, формально входившим в состав образования более крупного — Японии. Количество княжеств в период Сэнгоку с трудом поддается подсчету из-за нескончаемых военных стычек и присоединения и дробления территорий. Несмотря на множество местных и региональных различий в специфике управления отдельными княжествами, можно говорить и об общих тенденциях в этой сфере. Даймё учреждают собственные органы административной и судебной вла-

сти, используют практику поощрения воинов земельными наделами, жалуемыми обычно в пользование, но не владение; выступают в качестве арбитров между различными группами вассалов; ими проводится перепись земель и осуществляется сбор налогов с крестьянской общины, то есть воспроизводится уже описанная система власти государственной на уровне княжеств. Своды законов, составляемые в княжествах, действуют только на территории самих княжеств и не считаются с законами бакуфу, предписывавшими выплачивать налоги. Ни сёэн, ни государственная налоговая система в этот период не существовали.

Сёгунат Токугава

Объединение Японии в централизованное государство связывают с деятельностью Ода Нобунага (1534—1582), Тоётоми Хидэёси (1537—1598) и Токугава Иэясу (1543—1616), но лишь последнему из них удалось закрепить достигнутое положение передачей власти своим наследникам и основать сёгунат, продержавшийся более двухсот пятидесяти лет.

Военные успехи Ода Нобунага опирались на применение инновационных приёмов и методов ведения боя. В середине XVI в. на территорию Японии попадают первые европейцы. Они привозят с собой христианство и огнестрельное оружие. Ода уже в 1549 г. закупает 500 единиц оружия для своих воинов и отменяет ритуал представления противников друг другу на поле боя, замедлявший сражение. В судьбоносной битве при Нагасино против клана Такэда огнестрельное оружие имели уже 3 тысячи самураев из 40-тысячного войска Нобунага.

Политическому возвышению Ода способствовал очередной конфликт в передаче титула сэйи тайсёгун между членами дома Асикага. Асикага Ёсиаки обратился за помощью к Нобунага, который в 1568 г. вводит войска в Киото и берет столицу под свой контроль. Государь присваивает Ёсиаки титул сэйи тайсёгун, а Ёсиаки предлагает Нобунага занять должность канрэй, однако тот отказывается признавать себя подчиненным сёгуна. Ода требует, чтобы вся личная документация сёгуна проходила через него, в 1569 г. он направляет в Киото заявление, согласно которому не

считает должным подчиняться «покорителю варваров» вовсе. В 1573 г. Ода осаждает Киото и вынуждает Ёсиаки оставить всяческие притязания на политические действия, затем требует у государя срочно сменить девиз правления (о подобном не мог просить даже сёгун — временем в Японии распоряжался тэнно) и назначить себя главным министром (дадзё дайджин). Нобунага видел в государевом дворе более надежный источник «склеивающих» возможностей по управлению Поднебесной. Назначение он получил, однако наследственной сделать эту должность так и не смог. В 1582 г. Нобунага был внезапно атакован одним из своих ближайших сподвижников, Акэти Мицухидэ. Когда Ода понял, что ему не отбиться, он покончил с собой.

Тоётоми Хидэёси, продолживший дело Ода по централизации власти, также огромное значение придавал именно придворным должностям. В 1585 г. он добивается должности канцлера кампаку и главного министра и передает их своему племяннику, используя механизм отречения от власти. Примерно в то же время была составлена фиктивная генеалогия, согласно которой Тоётоми был потомком Фудзивара, рода, никогда не выпускавшего из рук должности канцлера государя. При нем проводится реформа, согласно которой провинциальной знати, поддерживающей власть центра, даруется титул даймё и соответствующие привилегии. Одними из самых известных мер, предпринятых Тоётоми Хидэёси, были «охота за мечами» (разоружение деревень в 1588 г.) и издание указов о запрете христианства, подрывавшего устои возрождавшейся центральной власти. Так или иначе, все многочисленные преобразования Тоётоми имели несколько главных целей: предотвращение любых форм сепаратизма и совершенствование механизмов контроля с целью повышения возможностей правителя по мобилизации подданных; выработка системы наследственной передачи верховной власти (с этой целью им в 1595 г. создан институт Готайро, «пяти великих старейшин», обязавшихся защищать интересы потомков Тоётоми). Хидэёси также известен своим интересом к расширению границ государства за счет подчинения Кореи и даже Китая. Предпринятая им корейская кампания испортила репутацию Японии на Дальнем Востоке. После его смерти в 1598 г. войска были в срочном порядке выведены из Кореи.

Земли даймё в середине XVII в.

Токугава Иэясу был одним из самых влиятельных сторонников Тоётоми и входил в число готайро — с остальными «великими старейшинами» он расправился в 1600 г. в битве при Сэкигахара, ставшей ключевой для формирования системы отношений в последнем бакуфу. Малолетнего сына Хидэеси по имени Хидээри он устранил не сразу, хотя потомок Тоётоми и был угрозой легитимности Токугава. Иэясу предпочел относиться к нему как к одному из даймё и практически изолировал Хидээри в Осака, а в 1615 г. обвинил его в попытке переворота и принудил к самоубийству. В 1603 г. Иэясу был пожалован титул сэйи тайсёгун, и уже в 1605 г. он передает его своему сыну Хидэтада, сам же продолжает осуществлять фактическое управление как огосё (досл. «великий дворец», обозначение отрекшегося правителя; со времён Иэясу входит в язык в значении

«теневой лидер», невидимый движущий механизм политических решений). Отречение, повторимся, было защитным механизмом, обеспечивавшим безопасность передачи власти, — проблемой, стоявшей перед всеми правителями, будь то государь, регент или сёгун. «Трёх великих объединителей» Японии эта проблема волновала чрезвычайно. У Ода было три сына, у Тоётоми — лишь один, зато у Иэясу на момент смерти в живых оставались пятеро. К 1616 г. его сын Хидэтада занимал пост сёгуна уже на протяжении 10 лет, еще трое сыновей Иэясу были назначены даймё в крупные провинции Кии, Овари и Мито, причем за ними было закреплено право предоставления кандидата для наследования должности сёгуна.

Иэясу в меньшей степени, чем его предшественники, уделял внимание государеву роду и придворным должностям и рангам. Род Токугава позиционировал себя правопреемником Минамото — первого рода сёгунов в Японии — и основной упор делал именно на военном сословии. Иэясу не остается в Киото, подобно сёгунам Асикага, а выбирает местечко Эдо на северо-востоке Хонсю для расположения нового правительства, дистанцируясь тем самым от придворных чиновников в сторону региона, ассоциировавшегося прежде всего с буси.

В Киото оставались вся старая придворная аристократия и государь. Придворные институты претерпели мало изменений с конца периода Хэйан по окончание периода Токугава, однако их полномочия не всегда были одинаковыми. Деятельность придворных в правление последнего сёгуната, несомненно, подвергается регламентации и контролю — уже в 1613 г. издается свод предписаний для аристократии «Кугэ сёхатто», ограничивающий полномочия двора в присвоении рангов. Иэясу вводит должность сёсидай. В обязанности того, кто её занимал, входил надзор за деятельностью Киото. Двор в ответ учреждает должность букэ дэнсо для сношений с бакуфу.

В Эдо располагалась резиденция сёгуна, а следовательно, и фактический политический центр Японии, в противовес Киото как центру сакральному. В распоряжении сёгуна находился бюрократический аппарат, насчитывавший более 17 тысяч сотрудников. Основные должности были монополизированы властными домами фудай даймё (прямыми вассалами дома Токугава), они становились фактически наследственными. На некоторые должности могли быть назначены сразу несколько человек.

Наибольшим влиянием пользовались «старейшины» — родзю. Если Иэясу и Хидэтада опирались на тех, кто поддержал Токугава в битве при Сэкигахара, то третий сёгун Иэмицу решил окружить себя лично преданными ему родзю. Они отвечали за международную политику, а также регулировали отношения бакуфу со всеми, кроме самых влиятельных даймё. В их компетенции находилось принятие решений, связанных с передачей власти даймё, реконструкцией замков, переделом земель. Заведовали они и хозяйством сёгунского дома. В состав родзю чаще всего входили 4—5 человек из числа фудай даймё, чей доход составлял от 30 до 100 тысяч коку риса. С 1634 г. они также отвечают за сношения с Киото, поэтому родзю назначали тех, кто разбирался в этикете и придворных церемониях. Родзю должны были постоянно находиться в замке сёгуна и приветствовать его по утрам. Даже главы домов, родственников Токугава, должны были склонить голову при встрече с ними. При смерти родзю вводился трехдневный траур, даймё слали письма с соболезнованиями. Все центральные ведомства предоставляли отчеты о своей работе именно старейшинам.

В провинции отправлялись государственные контролеры-мэцукэ, следившие за соблюдением верховных предписаний. Штат мэцукэ был внушительным, а сама должность, как и большинство остальных, имела внутреннюю градацию: омэцукэ следили за делами высшего чиновничества, на низовом уровне этим занимались ёкомэ.

Несмотря на широту властных полномочий сёгуната Токугава, говорить о его политической монополии не приходится. Несмотря на существование верховного государственного суда Хёдзёсё, в княжествах действовали собственные судебные органы. Армия бакуфу была многочисленной, однако исход кампаний напрямую зависел от сотрудничества с княжествами, располагавшими собственными военными подразделениями.

Социальное устройство и политическая мысль в период сёгунатов

Уже в конце периода Хэйан обнаруживается социальная напряженность между двумя категориями — придворной аристократией и воинами, прослеживающаяся на всем пути исторического разви-

тия традиционной Японии. Аристократические роды считали военных недостойными заниматься политическими делами, ведь те, во-первых, редко могли похвастаться происхождением от высших божеств; во-вторых, их профессиональное занятие предполагало контакт с ритуальной нечистотой; в-третьих, они не обладали «утонченностью», не умели слагать стихов и находились слишком далеко от источника культуры — государя, а следовательно, не имели ни малейшего понятия о том, как нужно осуществлять государственное управление. Идеи аристократического управления опирались на синтоизм, конфуцианство и исторический прецедент. Воины же упрекали аристократов в отсутствии способностей к управлению и чрезмерной утонченности.

Несмотря на то что сёгуны правили Японией почти семь веков, источником легитимности их положения оставался государь. Другой постоянной тенденцией было постепенное приближение жизненного уклада и копирование поведения придворной аристократии военной знатью. Менее знатные, но более удачливые военные дома всегда старались обосновать свою легитимность, в том числе через древность рода.

При возникновении дискуссий относительно места Японии в геополитическом пространстве ни у кого и мысли не возникало доказывать ее уникальность, приводя в пример сёгуна, — речь могла идти только о фигуре тэнно. Согласно идеям Китабатакэ Тикафуса (1293—1354), ученого и чиновника периода Намбокутё, уникальность Японии заключается в «правильной» передаче наследственной власти потомками богини Аматэрасу.

У военных того периода могли быть и несколько иные представления о том, кому принадлежит власть и как следует управлять Поднебесной. Так, в «Тодзиин гоисё» («Завещание Асикага Такаудзи»), написанном в 1357 г. (скорее всего, не самим Такаудзи), говорилось, что Поднебесная принадлежит сама себе, государю же надлежит постигать ее «суть» (тэнка-но кокоро), а сёгуну — поддерживать мир и порядок. Широко распространенными назвать такие идеи нельзя. Особенностью политической мысли традиционной Японии следует назвать также отсутствие попыток объединить кугэ и букэ (аристократию придворную и военную) в один правящий класс.

Одной военной мощи было явно недостаточно для обеспечения коги, «общественного интереса». Справедливо это и для XII, и для

XIX вв. (и даже для периода военной оккупации Японии Америкой после поражения в Тихоокеанской войне).

Как кугэ, так и букэ придавали особую значимость письменному слову в управлении государством. Военные чиновники довольно быстро перенимают тягу придворных к стихосложению, а использование сёгунатом Токугава табличек-косацу с текстами самого различного содержания и функций (от информативной до нравоучительной) было средством репрезентации власти на низовом уровне. Велико было значение и символических изображений в целях политического управления. Еще в 713 г. всем провинциям было поручено составить и преподнести ко двору описания земель и местных обычаев, что символизировало подчинение их центру. С этой же целью испрашивались и карты отдельных земель. Много веков спустя уже Токугава Иэясу поручает даймё преподнести карты земель сёгунату, и действие это было вызвано далеко не практическими нуждами бакуфу. По этой же причине власти Японии не дарили японские карты иностранцам.

В японском традиционном обществе имущественный разрыв между социальным верхом и низом не представляется огромным, что, однако, компенсируется статусными привилегиями и социальным престижем. Так, в эпоху Токугава социальный престиж фудай даймё был очень высоким, однако материальное обеспечение было явно недостаточным. Самураям, которым надлежало иметь 5 человек личной прислуги, далеко не всегда хватало средств соответствовать этой норме. Купцам же, чье материальное положение в период Токугава было значительно лучше, чем у многих самураев, не разрешалось использовать свои средства в целях, запрещаемых им по статусу, — например, для постройки жилища самурайского типа. Правительство тратило большие силы на выработку и поддержание системы статусных преимуществ. Круг дозволенного низким слоям населения постоянно сужался. Приведем показательный пример. Жители деревни в период Токугава покупали необходимые товары у бродячих торговцев. В 1655 г. подобный способ торговли был запрещен под предлогом того, что люди тратят слишком много на то, что им вовсе не нужно. К 1666 г. в список разрешенных для купли-продажи вещей попало 11 наименований: рыбацкие сети, сушеная рыба, соль, сушеные водоросли, чай, льняное масло, деревянные кадки для воды, крышки для вё-

дер, принадлежности для ведения сельского хозяйства, вёсла, дрова. К 1701 г. список был расширен до 34 наименований.

Различного рода ограничения распространялись и на «привилегированные» сословия. Самураям запрещалось посещать, скажем, спектакли театра Кабуки, поскольку лицедейством занимались люди, вообще выведенные за пределы социальной иерархии.

Деление всех обитателей Поднебесной на две большие категории — «добрый люд» (рёмин) и «подлый люд» (сэммин), провозглашаемое еще «Тайхорё», в общем виде сохраняется на всей исторической протяженности. Новые сословия, вроде купцов и ремесленников, быстро находят свое место в социальной иерархии, в основу которой были положены как традиционные представления о ритуальной нечистоте, так и ценностные установки и ориентиры в конкретный исторический период. Так, купцы признавались низшим сословием ввиду того, что сами ничего полезного для общества не производили и занимались сугубо личным обогащением. Высокое положение самураев обосновывалось тем, что они постоянно выполняют свои обязанности по служению господину и выступают носителями образцовой морали.

В наиболее кристаллизованном виде подобные идеи выражены в разделении населения на четыре сословия си-но-ко-сё (самураи, крестьяне, ремесленники, купцы) в эпоху Токугава. Идеологической опорой стала система неоконфуцианства. Сословия делились по принципу профессиональной принадлежности. Данная система, как и большинство подобных классификаций, не распространялась на абсолютный верх иерархии — государя, и не брала в расчет «нулевой» уровень социума — париев эта (досл. «много кэ-гарэ», ритуальной нечистоты; к данной категории принадлежали, например, палачи, мясники, производители обуви) и хинин (досл. «нелюди», представители «низких» профессий, вроде актеров и проституток). Хотя правительство строго следило за соблюдением сословных норм и привилегий, «низам» не возбранялось перенимать принципы внутренней организации сословия у «верхов». Так, нечто сродни чиновничьей иерархии наблюдается и в среде профессиональных проституток, а умелые ремесленники могли удостоиться титула «главы ремесленного дома». Здесь напрашивается аналогия с титулом букэ-но торё, «главой военных домов», которым обладал сёгун.

Отношения внутри самурайского сословия выстраивались по квазипатерналистскому принципу. Глава самурайского дома мыслился «отцом», а вассалы — его «детьми». Основным объектом политической власти при сёгунатах выступает «дом» (иэ), вознаграждаемый и наказываемый за деяния отдельных его представителей. Похожее устройство имеют и токугавские купеческие «дома», чей уклад позволял говорить уже о «пути купца» наряду с «путём воина» бусидо.

Социально-политическое устройство Токугава получило название бакухан — «бакуфу и княжества». Это название отражает амбивалентность характера отношений между центральным правительством бакуфу, не обладавшим решающим превосходством и контролем над княжествами, в значительной мере автономными. Термин «бакухан» хорошо отражает суть ситуации. Токугава — самурайский дом, обеспечивающий нужды «общественного интереса» коги, выступает покровителем приближенных к нему фудай даймё, получающих привилегии в виде назначения на ключевые должности центрального аппарата управления. Непосредственное исполнение предписаний возлагается на хатамото — прямых вассалов дома Токугава. Прочие «дома», тодзама даймё («внешние князья»), выступившие против Токугава в битве при Сэкигахара, теряют право на «опеку» со стороны сёгуна и к управлению государством привлекаются в меньшей степени. Недовольство сёгунатом со стороны тодзама было огромным. И те и другие обязаны, согласно требованиям системы санкин котай, чередовать пребывание в Эдо, близ сёгуна, с проживанием в княжестве.

Политическая мысль конца эпохи Токугава сосредоточена на нескольких проблемах, решение которых виделось в устранении военного правительства и восстановлении власти династии божественных государей. Вновь приобретают актуальность идеологические дискуссии эпохи Намбокутё о роли тэнно и сёгуна в управлении государством, значительное распространение получает учение Кокугаку, так называемой «школы национальной науки», видевшей идеал в правлениях государей древности. После «открытия» Японии (в середине XIX в.), с 1637 г. проводившей политику изоляции от западного мира, представлявшегося источником вредоносного для государства христианского вероучения, недовольство сёгунатом, который не справился с наплывом «красноносых варва-

ров», достигает апогея. Самураи княжества Тёсю в течение двух столетий во время церемонии новогоднего поздравления своего князя неизменно вопрошали его: «Настало ли время свергнуть бакуфу?» Князь отвечал: «Еще не время!» Но теперь сама жизнь дала им чайный ответ: «Пора!»

Список литературы

1. Духовная культура Китая. История. М.: Восточная литература РАН, 2009.
2. История Японии. Т. 1: С древнейших времен до 1868 г. М.: ИВ РАН, 1998.
3. Кодзики. Записки о деяниях древности: В 2 т. / Пер., коммент.: Т. 1 — Е. М. Пинус, Т. 2 — А. Н. Мещеряков, Л. М. Ермакова. СПб.: Шар, 1997.
4. Мещеряков А. Н., Грачёв М. В. История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2010.
5. Мещеряков А. Н. Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010.
6. Нихон сёки. Анналы Японии: В 2 т. / Пер. и коммент. А. Н. Мещерякова, Л. М. Ермаковой. СПб.: Гиперион, 1997.
7. Политическая культура древней Японии. М.: РГГУ, 2006.
8. Свод законов Тайхорё: В 2 т. / Вступит. ст., пер. и коммент. К. А. Попова. М.: Наука, 1985.
9. Синто. Путь японских богов: В 2 т. СПб.: Гиперион, 2002.
10. Трубникова Н. Н., Бачурин А. С. История религий Японии. М.: Наталис, 2009.
11. Япония в эпоху Хэйан: Хрестоматия / Пер. и коммент. М. В. Грачёва. М.: РГГУ, 2009.
12. Bodart-Bailey, Beatrice M. The dog shogun: the personality and policies of Tokugawa Tsunayoshi. University of Hawai'i Press, 2006.
13. Jansen, Marius B. The making of modern Japan. Harvard University Press, 2002.
14. Leupp, Gary P. Servants, Shophands, and Laborers in the Cities of Tokugawa Japan. Princeton University Press, 1992.
15. Ooms, Herman. Imperial politics and symbolics in ancient Japan: the Tenmu dynasty, 650—800. University of Hawai'i Press, 2009.
16. War and state building in medieval Japan / Ed. by John A. Ferejohn and Frances M. Rosenbluth. Stanford University Press, 2010.